

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 21 / 2016

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;
Бабич И.Л., д.и.н.;
Мельников С.А., д.ю.н.;
Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;
Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;
Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;
Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;
Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;
Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Хабидуллин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;
Зенин С.С., к.ю.н.;
Клименко А.И., к.ю.н., доцент;
Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;
Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,
Белых В.С.,
Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию

статей не взимается.

Экономика и право: опыт истории

Ившин М.С. Трест как форма государственного предприятия в годы нэпа 3

Небратенко Г.Г., Литвинова Ю.И. Государственно-правовое развитие Русской Америки 10

Жилыева С.К., Аронов Д.В. История преодоления беспризорности несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны (на примере Орловской области) 15

Государственность: рождение, развитие, упадок

Исаев И.А. Государство-полис: реальное и воображаемое 22

Серегин А.В. Расцвет и падение средневековой сербской государственности 29

Иванников А.И. Учение Ивана Александровича Ильина о правосознании, ответственности и наказании (к 70-летию выхода в свет работы И.А. Ильина «О сущности правосознания») 34

Сафонов А.А. Проблемы развития российской государственности в трудах Б.Н. Чичерина 38

Туманова А.С. Теория права С.А. Муромцева: к вопросу о рождении социологической юриспруденции в России конца XIX — начала XX века 43

Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. Легитимность публичной власти в современной России: особенности понимания социокультурных оснований 49

Конституционное строительство и кодификация права: история и практика

Дубровин Ю.Д. Правовое государство или государственное право? (соотношение государства и права) 54

Кузубова А.Ю. Базовые ценности консервативной политико-правовой программы Н.М. Карамзина 58

Гаджиев Г.Б. оглы. Правовые аспекты создания Содружества Независимых Государств 62

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный).
Формат 170x252 мм. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.
Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.
Номер подписан в печать 31.10.2016
Номер вышел в свет 08.12.2016
Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписной индекс: Роспечать — 47643;
Каталог российской прессы — 10866;
Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).
Также можно подписаться на www.gazety.ru
Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.
Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 21 / 2016

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. Pl № ФЦ77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Economics and Law: Historical Experience

- Ivshin M.S.* Trust as a Form of State-Owned Enterprise
in the Years of New Economic Policy 3
Nebratenko G.G., Litvinova J.I. State and Legal
Development of Russian America 10
Zhilyaeva S.K., Aronov D.V. History of Accommodation
of Homeless Minors in the Great Patriotic War
(as Exemplified by the Oryol Region) 15

Statehood: Origin, Development, Decline

- Isaev I.A.* City State: the Real and the Imaginary 22
Seregin A.V. Rise and Fall of the Medieval
Serbian State 29
Ivannikov A.I. The Teaching of Ivan A. Ilyin
on the Legal Awareness, Responsibility and Punishment
(to the 70th Anniversary of the Publication
of the Work of Ivan A. Ilyin "On the Essence
of Legal Awareness") 34
Safonov A.A. Problems of Development of the Russian
Statehood in the Works of B.N. Chicherin 39
Tumanova A.S. The Legal Theory of S.A. Muromtsev:
Revisiting the Origin of Sociologic Jurisprudence
in Russia in the Late XIX — Early XX Centuries 43
Mamychev A.Yu., Mordovtsev A.Yu.
Legitimacy of Public Authority in Modern Russia:
Understanding of Social and Cultural Bases 49

Constitutional Development and Codification of the Law: History and Practice

- Dubrovin Yu.D.* The State of Law or State Law?
(Correlation of State and Law) 54
Kuzubova A.Yu. Core Values of the Conservative
Political and Legal Program of N.M. Karamzin 58
Gadzhiev G.B. oglu. Legal Aspects of Creation
of the Commonwealth of Independent States 62

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 31.10.2016
Issue was published 08.12.2016

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Трест как форма государственного предприятия в годы нэпа

*Ившин Михаил Сергеевич,
директор юридического института
Вятского государственного университета,
кандидат экономических наук
uf_dekan@vyatsu.ru*

В статье раскрываются правовая природа и правовое положение треста в период новой экономической политики России (1921–1929 гг.), вопросы его взаимоотношения с государственными властными и хозяйствующими органами, сочетания хозрасчета и плановых начал деятельности, проблемы регулирования основного и оборотного капитала, государственных заказов и цены на произведенную продукцию.

Ключевые слова: нэп, трестирование, трест, правовая природа, правовое положение треста, хозрасчет и плановые начала.

Trust as a Form of State-Owned Enterprise in the Years of New Economic Policy

*Ivshin Mikhail S.,
Director of the Law Institute
of the Vyatka State University,
Candidate of Economic Sciences*

The article describes the legal nature and legal status of trust in the years of New Economic Policy in Russia (1921–1929), its relation to the state government and economic bodies, combination of self-financing and planned start-ups, problems of regulation of fixed and circulating assets, public contracts and prices of manufactured products.

Key words: NEP, trustification, trust, legal nature, legal status of trust, self-financing and planned start-ups.

В экономической и юридической литературе 20–30-х годов прошлого века трест как организационно-правовая форма хозяйствования напрямую связывается с обусловившим его социально-экономическим фактором — рынком, имманентно присутствующим капиталистическому обществу. Возможно, поэтому многие юристы признавали его государственной капиталистической организацией, исходя как минимум из двух обстоятельств: во-первых, деятельность треста имела своей целью извлечение прибыли; во-вторых, «все... отношения с внешним миром, вся... работа была немислима без рынка, без частного капиталиста, без товарно-капиталистического посредника»¹. Отсюда и «государственный интерес» характеризовался как частнохозяйственный, т.е. сводился к ограниченному кругу отношений. В противоположность этому «народно-хозяйственной точке зрения» придавалось более важное значение; предполагалось, что

она охватывает большую совокупность общественных отношений, в том числе вбирая в себя и так называемые межсекторные связи и отношения в частной сфере хозяйствования².

Более того, сторонники рыночной концепции хозяйственного права считали, что свободный рынок и система основных государственных монополий в экономике означают не что иное, как развитие коммерческого оборота «на почве частного гражданского и торгового права», появление особой правовой формы государственных предприятий. Но при этом, по мнению, например, В.Н. Шретера, в деятельности указанных предприятий используются «организационные формы и методы капиталистического права»³. Между тем Б. Самойлов полагал, что «нэп требует решительного, единого, централизованно-

¹ Савельев М. Перспективы хозяйственной политики // Народное хозяйство. 1922. № 2. С. 15.

² См., например: Маслов П. Народное и частное хозяйство. 1925. Кн. 6. С. 143.

³ Шретер В. Система промышленного права СССР. М., 1928. С. 6.

го законодательства, направленного ценой уступок интересам частных лиц и буржуазной идеологии на развитие производительных сил страны. В отношении гражданского права это означает восстановление основных положений гражданского законодательства, действующего в западноевропейских государствах»⁴. Позиция автора, основанная на признании методов хозяйствования в обобщественном секторе экономики по аналогии с методами частнопредпринимательской деятельности, отражает взгляды сторонников прямой рецепции буржуазного права, имеет много общего с концепцией «сменовеховцев», видевших в нэпе отступление к капитализму. «Разумеется, такая точка зрения была крайней... — пишет И.А. Исаев, — в указанный период роль рыночных отношений в формировании правовой формы в целом и организационно-правовых форм хозяйства в частности в значительной мере преувеличивалась»⁵.

В период нэпа государство в сфере хозяйствования выполняло две функции: организации и регулирования торговой деятельности. В свою очередь, это требовало создания соответствующей нормативной правовой базы, в частности торгового законодательства. Правовое регулирование торговли создавало необходимые условия удержания рынка в юридическом поле, т.е. в руках государства. Государственная же промышленность для этого использовала принцип конкуренции как необходимый атрибут рынка.

Неоднозначно воспринималось юристами и введение хозрасчета на предприятиях. Они видели в этом обстоятельство, характерное частному хозяйству «с капиталистическими, предпринимательскими, а не потребительскими конструкциями и идеологией», приведшее к тому, что даже в законодательстве «отразились навыки и приемы частного хозяйства, стремление поставить каждое предприятие по отношению к другим в наиболее выгодное, прибыльное положение, как к контрагенту, конкуренту, клиенту»⁶. Другими словами, деятельность хозрасчетных государственных предприятий, по сути, фактически отождествлялась с частнокапиталистическим предпринима-

тельством; ей придавался «исключительно автономный характер»; считалось, что она игнорирует общие интересы народного хозяйства. На основании этого делался вывод, что хозрасчетные, как и частнокапиталистические, предприятия являются частными хозяйствами⁷.

Необходимо также отметить, что в юридической литературе первой четверти XIX в. не было единого подхода к характеристике организационной формы треста как государственного хозяйствующего органа. Такое положение в науке обуславливалось и тем, что все организационно-правовые формы хозяйствования, как правило, делились на два вида: публичные и частные. Однако в теории высказывалось и мнение о том, что организации, участвующие в хозяйственном обороте, являющиеся юридическими лицами, должны признаваться субъектами гражданского права, даже если «их внутренняя структура определялась нормами не гражданского права, а иного права, либо вообще техническими, а не правовыми нормами»⁸. Утверждалось, что не структура организации, а вовлеченность в хозяйственный оборот позволяет признавать ее субъектом права и юридическим лицом, даже если речь идет о публично-правовой организации⁹.

Структура и система государственного хозяйственного органа не являются застывшими, раз и навсегда заданными конструкциями. Они ощущают на себе воздействие изменений, происходящих в самом хозяйственном обороте; иначе говоря, указанные факторы находятся во взаимной связи и взаимообусловленности, однако надо иметь в виду, что эта связь проявляется не прямо, а находится в корреляционной зависимости. Так, если до 1927 г. основным признаком треста являлась их правовая и хозяйственная самостоятельность (причем юридическая природа «превалировала над социально-экономической природой»¹⁰), то после этого он признавался хозяйственным органом государства, выполнявшим плановые задания. Одним словом, трест как ор-

⁴ Самойлов Б. Промышленность и право // Народное хозяйство. 1922. № 2. С. 28.

⁵ Исаев И.А. Становление хозяйственно-правовой мысли в СССР (20-е годы). М., 1986. С. 126.

⁶ Самойлов Б. Промышленность и право. С. 22.

⁷ Подробно об этом см.: Намарский Л. Организационные проблемы новой экономической политики // Народное хозяйство. 1921. № 10.

⁸ Венедиктов А.В. Организационная структура государственных предприятий // Революция права. 1928. № 5. С. 67.

⁹ См. там же.

¹⁰ Курс советского хозяйственного права / под ред. А. Гинцбурга, Е. Пашуканиса. М., 1935. Т. 1. С. 286.

ганизационно-правовая форма хозяйствующего субъекта «монтировался» в плановую экономику страны. Разумеется, такая трансформация его сущности не имела ничего общего с рынком, изменением конъюнктуры товарного оборота, эволюционированием народного хозяйства в целом, а была обусловлена изменением экономической политики государства, ставившей во главу угла плановость и регулирующие начала производства и торговли.

Цивилисты рассматривали трест в качестве одной из модификаций государственной хозяйственной организации, появившейся в том числе из практических потребностей, в частности необходимости персонификации товаровладельца, который одновременно мог выступать на рынке и в других лицах. Практика создала для этого широкий диапазон организационных форм, взяв за основу «эластичную фигуру юридического лица, допускающую самое разнообразное внутреннее строение»¹¹.

Правовая структура треста в теории характеризовалась как «тактическое приспособление организации государственной промышленности к возрождающимся условиям внутреннего рынка и развитию денежного обмена»¹². Было высказано мнение, что трест обладает двойственной природой. Его вторая суть (в отличие от указанной выше первой) не связана с рынком, она проявляется в отношениях с вышестоящими органами хозяйственного регулирования. Эти отношения имеют «внутренний, функциональный, а не юридический характер», их содержание «не в разграничении интересов, а лишь в распределении функций»¹³. Такое положение вещей объяснялось двойственной природой экономики переходного периода в целом.

Надо заметить, что эти же причины назывались и при обосновании объективного характера многообразия форм государственной промышленности. В диаметрально противоположных точках континуума располагались две из них:

а) казенное управление — характеризовалось централизацией и наличием элементов предыдущих форм хозяйствования;

б) государственные предприятия по типу акционерных — отличались максимальной автономией входящих в него структурных элементов.

Однако многие цивилисты признавали, что в условиях переходной экономики эти формы неприемлемы. Так, В.Н. Шретер писал: «Поскольку основная масса наших государственных предприятий своим оперативным фронтом повернута к рынку и перешла на коммерческий расчет, нам от методов акционерного права нужна была широкая автономия организаций... формальная обособленность имущества предприятия... Но с другой стороны, государственное предприятие является лишь частью единой, планируемой из центра системы нашего общественного хозяйства, и поэтому во внутренней его организации необходимы были методы государственного управления... В связи с этой системой и был выработан тот своеобразный тип государственных предприятий, который является господствующим у нас в настоящее время»¹⁴. В качестве такого своеобразного типа предприятия признавался трест.

Именно трест становится формой хозяйствования, противопоставляемый акционерным обществам, хотя следует заметить, что двойственный характер его сущности не в полной мере соответствовал требованиям рынка и конкуренции, следовательно, нуждался в оптимизации. Кроме того, необходимо было учитывать проникновение закона спроса и предложения в обобществленный сектор экономики, изменение отношений между государственными предприятиями в соответствии с «общими основаниями гражданского права», на что содержалось прямое указание в декрете ВЦИК и СНК 1923 г. «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)»¹⁵.

При характеристике соотношения треста и акционерного общества в литературе отмечалось, что они различаются разными приемами «юридической техники, при помощи которой государство осуществляет поставленную цель, — вести плановое хозяйство в сочетании с оперативной самостоятельностью отдельных производствен-

¹¹ Венедиктов А.В. Организационная структура государственных предприятий. С. 70–71.

¹² Карасс А. Правовые формы организации государственной промышленности в условиях новой экономической политики // Советское право. 1923. № 1. С. 111.

¹³ Там же. С. 112.

¹⁴ Шретер В.Н. Советское хозяйственное право (право торгово-промышленное). М., 1928. С. 98.

¹⁵ СУ РСФСР. 1923. № 29. Ст. 336.

ных и торговых единиц»¹⁶. Кроме того, трест не обладает таким признаком, как корпоративность, что имманентно присуще акционерному обществу. Рассматриваемая форма хозяйствования представляет собой «выделенное из общего состава государственного достояния имущество, которое находится в управлении особых органов, действующих на правах юридических лиц»¹⁷.

В 20-е годы прошлого столетия в науке не было единого мнения относительно оценки организационно-правового статуса треста. Если абстрагироваться от нюансов, то все имевшиеся позиции можно свести к двум, причем, на наш взгляд, отличающимся только по одному моменту — внутренней организации треста. Так, одни ученые признавали трест юридическим лицом и субъектом самостоятельных имущественных прав. На этой основе выделялись два характерных обстоятельства: автономность и оперативная самостоятельность хозяйствующего субъекта на рынке. Главное же — государственные властные органы, например комиссариаты, ВСНХ и другие, не признавались участниками имущественного оборота, они не входили в указанное хозяйственно-правовое образование, а выступали внешними регуляторами его деятельности. Структура треста вбирает в себя все то, что характерно для государственных предприятий вообще, при этом структура имущественного оборота не находится в зависимости от его участников. «Подобная позиция легко укладывалась в привычные понятия гражданского права, но мало соответствовала действительной ситуации в обороте. Когда регулирующие органы вмешивались в дела треста, логическая стройность этой концепции нарушалась. Соглашения, заключаемые трестами, несмотря на свою договорную форму, уже не могли рассматриваться как рыночные сделки в чистом виде, поскольку обязательственные отношения не могли существовать между трестом и регулирующим его работу органом, как между независимыми субъектами»¹⁸.

Вторая группа ученых исходила из того, что властные государственные органы выступают в качестве необходимого органа са-

мого треста, тем самым существенно изменяли его структуру, которая в этом случае получала вид достаточно разветвленной системы. Эта концепция содержала своеобразную модель так называемого супертреста. Дело в том, что согласно позиции указанных ученых каждая группа трестов имела свой организационный центр, на разном удалении от которого находились государственные предприятия. Эти центры одновременно выступали и органами объединяемых ими трестов. При таком подходе «хозяйственная организация, трест, его правление и ВСНХ являются единым целым»¹⁹. Данное обстоятельство детерминировало выделение в литературе внутренней структуры треста и его связей в имущественном обороте (внешней стороны) в качестве самостоятельных характеристик²⁰.

Вторая позиция в целом отражала ситуацию, складывающуюся в народном хозяйстве, в частности объединений трестов в синдикаты, стремящиеся к монопольному положению на рынке.

Несмотря на указанные различия во взглядах ученых, все они были единодушны в том, что российский вариант треста не является видом соглашения западноевропейского типа, он имеет особую организационно-правовую форму, которая оценивалась в литературе по-разному. Позиции авторов предопределялись одним существенным обстоятельством: что ставилось во главу угла — рыночный или плановый (регулируемый) характер деятельности треста.

Различные правовые отношения, в которые вступал трест, давали основания ученым, как указывалось, выделять его внешней и внутреннюю стороны.

Внешняя сторона рассматривалась в качестве рыночной, представлялась как «заимствованные из частного капитала техника и прием работы»²¹. Внутренняя же сторона мыслилась в качестве сущностной составляющей организационно-правовой формы данного хозяйствующего субъекта, имеющей публично-хозяйственное содержание²².

¹⁶ Гинцбург Л. От главков к трестам (десять лет советского промышленного права) // Революция права. 1927. № 2. С. 4.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Исаев И.А. Становление хозяйственно-правовой мысли в СССР (20-е годы). С. 136–137.

¹⁹ Мартынов Б.С. Организационные принципы советских госпредприятий в условиях планового товарного оборота // Право и жизнь. 1927. Кн. 3. С. 37.

²⁰ Подробно об этом см.: Минц С.В. Советское промышленное право. М., 1925.

²¹ Мартынов Б.С. Государственные тресты. М., 1924. С. 8.

²² Там же.

Здесь особо следует отметить, что организация трестов сопровождалась двумя противоположными тенденциями. Первая, условно говоря, центристская, исходя хотя бы только из ее названия, дает представление о сути происходивших процессов, основанных на требованиях концентрации и укрепления трестов. Наряду с этим предполагалось существенное усиление их регулирующих функций. Трудности, которые возникали в ходе реализации подобного рода планов, объяснялись рядом обстоятельств, в частности, назывались следующие факторы: отсутствие сведений о результатах работы трестов в первые годы нэпа; надежды на внешние инвестиции в промышленность; сложности с внутренним кредитованием и т.д.²³ Этому предлагалось противопоставить переход от системы одноотраслевых трестов к системе концернов. Другими словами, в среде ученых высказывались мнения о необходимости расширения сферы трестов за счет присоединения к ним предприятий, как добывающих сырье, так и производящих готовую продукцию. В этом случае концерны «как крупные плановые единицы в своей внутренней деятельности послужат естественным составным элементом в деле общепланового руководства всем хозяйством страны и его совокупности»²⁴.

Вторая упоминавшаяся тенденция имела диаметрально противоположный характер, исходила из необходимости децентрализации трестов, а не их централизации. Здесь проявилась одна характерная деталь: представители этой позиции нередко трест приравнивали к акционерному обществу. В связи с этим права общего собрания делегировались другим государственным органам, например ВСНХ или Госплану²⁵, а само государство признавалось «как бы коллективным акционером (пайщиком), выступающим в обороте в лице созданных им для этого специальных юридических лиц — трестов»²⁶. Подобная характеристика тре-

ста, признание государства пайщиком давали основание для вывода о выделении двух функций: хозяйствования (она еще называлась функцией управления) и регулирования. Реализация первой из них возлагалась на трест (собственно, для этого он создавался), второй — на органы власти, имеющие полномочия регулирования в соответствующей сфере народного хозяйства. Эти органы власти, разумеется, не могли признаваться органами треста и вообще не могли характеризоваться как хозяйствующие организации²⁷.

Проблемы организационно-правовой структуры треста обусловили дискуссию по ряду вопросов, относящихся к строению его имущественного комплекса и режима собственности. В литературе по данному поводу наметились в целом три позиции. Она группа авторов исходила из определения треста как института «доверенного управления имуществом»; другая рассматривала его в качестве «пользователя государственного имущества»; третья признавала за ним право собственности на имущество, выделенное из общего государственного фонда. Нетрудно заметить, что все точки зрения объединяет одна общая посылка: признание треста и государства самостоятельными субъектами права и неполными собственниками одного и того же имущества.

Обосновывая двойственную природу треста, ряд ученых исходили из меновой теории права, согласно которой имущество треста являлась, по утверждению, например, А.В. Венедиктова, «товарной формой собственности государства»²⁸. Из этой позиции вытекало, что право собственности треста на имеющееся у него имущество есть не что иное, как «формальный прием, используемый для удобства достижения целей и интересов не только того, кто числится собственником имущества, но самого учредителя треста»²⁹. В качестве же последнего выступало государство. И.А. Исаев подчеркивает, что «с этой позиции трест определялся как сложная организация доверенного управления обособленным государственным имуществом, для определения

²³ См., например: Сабсович Л. К пересмотру трестов // Социалистическое хозяйство. 1923. № 1. С. 120.

²⁴ Ларин Ю. Преобразование русских трестов в концерны // Социалистическое хозяйство. 1922. № 9–10. С. 40.

²⁵ Подробно об этом см.: Постоловский Д. Организация трестов // Народное хозяйство. 1922. № 9–10. С. 22.

²⁶ Брагинский М. Декрет о трестах // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 21. С. 490.

²⁷ Подробно об этом см.: Смилга И. Организационные проблемы промышленности // Народное хозяйство. 1922. № 9–10. С. 4.

²⁸ Венедиктов А.В. Организационная структура государственных предприятий. С. 75.

²⁹ Мартынов Б.С. Организационные принципы советских предприятий. С. 40.

которой явно недостаточно статуса юридического лица. Необходимо, кроме того, выделить специфику этой формы, которая заключается в двойственном характере правомочий треста на имущество. Эти права не совпадают с правами по договору поручения (ст. 251–263 ГК РСФСР 1922 г.). Некоторые авторы считали, что здесь имеет место «внедоговорное обязательство, основанное на признании за трестом прав не обязательственного, но вещного характера»³⁰.

В литературе утверждалось, что нормы гражданского права о договоре поручения неприменимы в отношении треста с органом власти, препятствует этому сложная форма «вещно-правовых отношений». С одной стороны, имущество, вверенное тресту, было и остается государственным, что непосредственно вытекает из смысла ст. 53 ГК РСФСР 1922 г.; другими словами, собственность треста — это собственность государства. С другой стороны, как ни парадоксально выглядит на первый взгляд, трест также становится полноправным собственником этого же имущества. Таким образом, одно и то же имущество считается находящимся в собственности двух собственников, т.е. имеет место раздвоение права собственности между двумя субъектами, один из которых является хозяйствующим, другой — нет. В этой связи Б.С. Мартынов, например, замечает, что «здесь правильно было бы говорить о выделении из основного правомочия отдельных функций собственности и предоставлении их осуществления другому субъекту прав»³¹.

Согласно Декрету «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)» имущество треста состоит из основного и оборотного капитала. Основной капитал по закону был изъят из гражданского оборота, следовательно, имущественная ответственность на него не распространялась. Однако, как отмечается в литературе, на практике зачастую игнорировался этот запрет, определенная часть основного капитала вовлекалась в хозяйственный оборот, что вызывалось необходимостью обеспечить кредитоспособность треста³².

В доктрине права была обозначена проблема возможности перераспределения основного капитала между государственными предприятиями и о дополнительной ответственности треста перед государственным органом (кредитором) в полном объеме уставного капитала. Она вписывалась в концепцию «государственного оборота», допускавшую наличие договорных отношений внутри обобщественного сектора народного хозяйства. В законодательстве это фиксировалось в качестве изъятия общего положения о правовом статусе основного капитала, поскольку в указанной сфере хозяйствования, в отличие от частного сектора, осуществление имущественных прав есть не что иное, как простое выполнение определенной социальной функции. В сфере частного производства, основанного на собственно гражданско-правовых отношениях, гражданское законодательство (ст. 1 и 4 ГК РСФСР 1922 г.) закрепляет только «внешнее ограничение индивидуалистических начал, но не преобразует их в социальную функцию»³³.

При передаче имущества одним трестом другому, одним государственным предприятием другому такому предприятию не означает осуществление сделки, не квалифицируется куплей-продажей; в этом случае нет окончательного отчуждения имущества. Следовательно, подобного рода действия не влекут уменьшения наличных фондов государства и в целом не оказывают какого-либо негативного воздействия на единство имущества, находящегося в собственности государства. Данное обстоятельство ставило под сомнение положение Декрета «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)» о неотчуждаемости основного капитала.

В литературе подчеркивается, что декрет закрепляет структуру имущества треста, основываясь не на экономико-правовых категориях, а на предметно-вещных позициях. По сути, это вело к тому, что трест обладал не совокупностью полномочий собственника, а неким объемом имущества. Именно этим можно объяснить деление его уставного капитала не по признаку «оборачиваемости», а по производственному принципу

³⁰ Исаев И.А. Становление хозяйственно-правовой мысли в СССР (20-е годы). С. 139–140.

³¹ Мартынов Б.С. Организационные принципы советских госпредприятий. С. 45.

³² Мартынов Б.С. Государственные тресты. С. 22.

³³ Мартынов Б.С. К вопросу о юридической квалификации уставных капиталов государственных трестов // Промышленность и право. 1926. Кн. 1. С. 32.

«основной и оборотный капитал». Д.И. Иваницкий в связи с этим отмечал, что положения об ответственности перед кредиторами, о налогах оказались несовместимыми с закреплением в декрете понятия уставного капитала. Идея о них при «столкновении с производственно-экономическим принципом в вопросе об обращении взысканий на имущество треста уступила ему преобладающее место в отношении основного имущества, не изъятого из частного оборота... но оказалась сильнее его в отношении оборотного имущества треста»³⁴.

Сложившаяся ситуация негативно сказывалась на деятельности треста, его участии в рыночных отношениях.

Литература

1. Брагинский М. Декрет о трестах // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 21.
2. Венедиктов А.В. Организационная структура государственных предприятий // Революция права. 1928. № 5.
3. Гинцбург Л. От главков к трестам (десять лет советского промышленного права) // Революция права. 1927. № 2. С. 4.
4. Иваницкий Д.И. Уставный капитал треста // Вестник промышленности, торговли и транспорта. 1924. № 1–2.
5. Исаев И.А. Становление хозяйственно-правовой мысли в СССР (20-е годы). М., 1986.
6. Карасс А. Правовые формы организации государственной промышленности в условиях новой экономической политики // Советское право. 1923. № 1.
7. Курс советского хозяйственного права / под ред. Л. Гинцбурга, Е. Пашуканиса. М., 1935. Т. 1.
8. Ларин Ю. Преобразование русских трестов в концерны // Социалистическое хозяйство. 1922. № 9–10.
9. Мартынов Б.С. Государственные тресты. М., 1924.
10. Маслов П. Народное и частное хозяйство. 1925. Кн. 6.
11. Минц С.В. Советское промышленное право. М., 1925.
12. Намарский Л. Организационные проблемы новой экономической политики // Народное хозяйство. 1921. № 10.
13. Постоловский Д. Организация трестов // Народное хозяйство. 1922. № 9–10.
14. Сабсович Л. К пересмотру трестов // Социалистическое хозяйство. 1923. № 1.
15. Савельев М. Перспективы хозяйственной политики // Народное хозяйство. 1922. № 2.
16. Самойлов Б. Промышленность и право // Народное хозяйство. 1922. № 2.
17. Смилга И. Организационные проблемы промышленности // Народное хозяйство. 1922. № 9–10.
18. Шретер В. Система промышленного права СССР. М., 1928.

³⁴ Иваницкий Д.И. Уставный капитал треста // Вестник промышленности, торговли и транспорта. 1924. № 1–2.

Государственно-правовое развитие Русской Америки

*Небрятенко Геннадий Геннадиевич,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Дагестанского государственного университета народного хозяйства
gennady@nebratenko.ru*

*Литвинова Юлия Игоревна,
преподаватель кафедры теории и истории
Ростовского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
litvinova.iu@yandex.ru*

История государства и права насыщена событиями и фактами, представляющими интерес для современной России, а также ее политических партнеров. Одной из таких тем является хроника русского владычества над Аляской, Алеутскими островами, Архипелагом Александра и частью Калифорнии. Переход этих земель в юрисдикцию США стал экстраординарным событием, изучение которого представляет интерес для науки, требуя более тщательного анализа. Настоящая статья посвящена искомой проблеме, в ней поэтапно раскрывается содержание русской колонизации в Тихоокеанском крае, и самостоятельно рассмотрены «промыслово-первопроходческий период», «коммерческо-казенный» и «административно-буржуазный» в государственно-правовом развитии Русской Америки, а также дан обзор признаков каждого из этапов. На каждом из них история государства и права России в северной части Тихоокеанского региона была вариативна, но в силу определенных причин произошли имевшие место события. Историко-правовой анализ этих причин имеет значение даже в XXI столетии.

Ключевые слова: государственно-правовое развитие России, Русская Америка, форт Росс, крепость Росс, история Аляски, Тихоокеанский регион, Соединенные Штаты Америки, история США, история Калифорнии.

State and Legal Development of Russian America

*Nebratenko Gennady G.,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Dagestan State University of National Economy*

*Litvinova Julia I.,
Lecturer of the Department of Theory and History
of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences*

History of state and law is full of events and facts of interest to the modern Russia and its political partners. One of the acts Chronicle Russian sovereignty over Alaska, the Aleutian Islands, the Alexander Archipelago, and part of California. The transition of these lands in the US jurisdiction became an extraordinary fact, the study of which is of interest to science, requiring a more thorough analysis. This article is dedicated to the unknown problems, gradually revealing the content of Russian colonization in the Pacific region. In her own considered «commercial-pioneering», «commercial-official» and «Military and administrative periods» in state-legal development of Russian America, as well as given Equi signs of each stage. On each of them the history of the state and the Russian law in the northern part of the Pacific was a variable one, but for some reason there were the events took place. Historical and legal analysis of these reasons is important even in the XXI century.

Key words: the state-legal development of Russia, Russian America, Fort Ross, Fort Ross, the history of Alaska, the Pacific region, the United States, United States History, the history of California.

В современном мире русские и русскоязычные других национальностей, являющиеся носителями российской культуры, и их потомки относятся к многочисленной раз-

деленной нации, насчитывающей вне Российской Федерации более 25 млн человек. Причинами этого является разрушение Российской империи и Советского Союза, что

не повод к истерии или росту национализма, который неприемлем для многонационального государства. В научном сообществе зарождается интерес к деятельности диаспор, судьбам соотечественников, уровню обеспечения их социальных и культурных прав, являющемуся маркером отношения «местных властей» к русскоязычному меньшинству, а значит, к России.

Помимо государств бывшего СССР, многочисленные диаспоры появились в Германии, Израиле, Сербии, США, Франции или Чехии, объединяющие эмигрантов духовным родством и стремлением к общению. Голоса соотечественников слышны «на новой родине», а порою имеют решающее значение. Так в результате народного референдума в марте 2014 г. произошло воссоединение Крыма с Россией. Однако полуостров не единственная утерянная территория, правда, вернувшаяся в «родную гавань», и в этой связи можно возвести «историко-правовой мост» от Чукотки в Аляску, сформулировав доктринальные выводы, направить взор ко времени государственно-правового становления Русской Америки, тем самым расширяя мировоззренческие горизонты российской цивилизации.

Термин «Русская Америка» носит интегративный политический характер, олицетворяет суверенитет Российской империи над Аляской, Алеутскими островами, Архипелагом Александра, а также крепостью Росс, и сюда же следует отнести Гавайские острова, также имевшие основания стать русским форпостом в Тихом океане. Открытия русских мореплавателей и землепроходцев в рассматриваемом регионе стали возможны после освоения ими Северной Азии, разделенной с Северной Америкой проливом, ныне называемым Беринговым. Государственно-правовое развитие Русской Америки имело специфический характер, базировалось на инициативе купцов и промышленников, деятельности Российско-Американской компании, а также русской администрации в американских владениях.

Русская Америка являлась частью Российского государства, в связи с отдаленностью от столицы имела внутреннюю специфику, во многом predetermined частной инициативой и развитием торговли, что позволяет рассматривать регион как магистральный образец развития Отечества в конце XVII — второй половине XIX столетия. Формирование государственного и

общественного строя в американских владениях, по мнению авторов, следует классифицировать на «промыслово-первопроходческий», «коммерческо-казенный» и «административно-буржуазный» периоды.

«Промыслово-первопроходческий период» протекал в 1648–1799 гг., и нижняя рамка определяется началом морской экспедиции Семена Дежнева, фактически открывшей пролив между Евразией и Северной Америкой, верхняя рамка — учреждением Российско-Американской компании. Это время характеризовалось инициативностью русских мореплавателей и землепроходцев, занимавшихся присвоением пушнины и моржовой кости, используя трансконтинентальный пролив или двигаясь вдоль Алеутских островов, взаимодействуя в организации экспедиций с администрацией Восточной Сибири. Кроме того, во второй половине XVIII в. генератором развития края стала конкуренция ряда торговых компаний, основанных купечеством и промышленниками, которыми в 1743–1797 гг. были снаряжены не менее 90 промысловых экспедиций¹. Без привлечения капитала спорадическая деятельность землепроходцев была бы неэффективной, служа получению наживы, но не коммерческой прибыли.

Однако Тихоокеанский край представлял интерес и для самодержавия, особенно Петра I, искавшего новые торговые магистрали, и Камчатка стала базой для движения на Восток². В 1724–1729 гг. Витусом Берингом была осуществлена Первая Камчатская экспедиция, в 1732 г. Михаилом Гвоздевым и Иваном Федоровым открыта Аляска. В 1733–1743 гг. проведена Вторая Камчатская или Великая Северная экспедиция, открывшая Алеутские острова и Архипелаг Александра³. Географические открытия привели к появлению на политической карте мира Русской Америки и учреждению русских поселений, первоначально с 1770-х годов на Алеутских островах, а затем в других частях владений.

Удаленность от столицы создавала предпосылки превалирования торговых обычаев и права сильного, но одновременно с промысловиками в Америку пришли православные миссионеры, и в конце XVIII в.

¹ Широкоград А.Б. Утерянные земли России XIX–XX вв. М., 2012. С. 42.

² Никитин Д.Н. Покорение Сибири. М., 2016. С. 95.

³ Зорин А. Битва за Ситку. 1802–1814 гг. Эпизод из истории Русской Америки. М., 2016. С. 2.

началось массовое крещение алеутов, индейцев и эскимосов⁴. В экономической сфере конкуренция восточносибирских торговых компаний способствовала прогрессу. К 1798 г. одна из двух крупнейших, возглавляемая купцом Лебедевым-Ласточкиным, «вышла из дела», и Северо-Восточная компания, основанная в Иркутске купцом Григорием Шелеховым, получила возможность поглотить оставшиеся предприятия.

Признаками «промыслово-первопроходческого периода» являются: стремление установить суверенитет над новым краем, невзирая на его отдаленность от столицы; учреждение географических экспедиций для определения пространства владений; активность русских мореплавателей и землепроходцев, координируемая восточносибирскими воеводами; выполнение Камчаткой роли опорного пункта в обеспечении экономических интересов на Тихом океане; привлечение купеческих капиталов для освоения американских владений, осуществляемое через конкурирующие между собой торговые компании; включение аборигенов в состав российской цивилизации, распространение среди них христианства и окормление Русской православной церковью.

Следующий период — «коммерческо-казенный» имел место в 1799–1844 гг., и его начало было положено созданием на основе Соединенной американской компании торгового акционерного общества под покровительством Павла I и с коммерческим участием других Романовых, личное расположение которых укрепляло суверенитет над североамериканскими владениями. Указом от 8 июля 1799 г. учреждалась «для промыслов и торговли по Северо-восточному морю под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Российско-Американская компания»⁵, получившая для освоения новых земель налоговые льготы и казенные ссуды, монополию на мореходство, промысел и торговлю, а также полномочия по управлению регионом и выпуск денежных знаков⁶.

Выгодность присутствия в Тихом океане не вызывала сомнений, и к коммерческому предприятию стало активней подключаться

государство, изначально в лице «российского правящего дома» и высших сановников. В 1801 г. Главное правление компании во главе с директором учредили в Санкт-Петербурге, а главный правитель российскими владениями с 1802 г. размещался в Ново-Архангельской крепости, расположенной на острове Баранова Александровского архипелага. Формально Русская Америка являлась частью Сибирского генерал-губернаторства (затем Восточно-Сибирского), имевшего в Иркутске административный центр, где также находилась штаб-квартира еще одного главного правителя американскими владениями. Верхняя рамка «коммерческо-казенного периода» определяется годом утверждением Устава Российско-Американской компании, регламентировавшего во владениях ее некоммерческие права. В 1799–1844 гг. Российско-Американская компания имела особое значение в «заморских делах», финансировала строительство флота, крепостей, фортов и иных сооружений, демонстрирующее российское присутствие в Тихом океане и на материке, а также обеспечивала географические экспедиции, в том числе кругосветные, например Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского.

Для участия в предпринимаемых ею проектах на коммерческой основе на службу стали принимать русских офицеров, для чего дирекции следовало обращаться к «военному командованию». В итоге через пару десятилетий купечество фактически было отстранено от управления компанией, уступив место морским чинам, и коммерческая составляющая стала соседствовать с казенным интересом. Одновременно возникли условия для превалирования правительства в делах компании, монопольное присутствие которой в Русской Америке отчасти снизило темпы экспансивной деятельности.

Важным историческим событием рассматриваемого периода стала закладка в 1812 г. крепости Росс, расположенной на центральнокалифорнийских землях, ранее выкупленных у индейцев служившим в компании лейтенантом флота Иваном Кусковым. Американские владения остро нуждались в продовольствии, доставка которого через Камчатку была дорогостоящей, и наличие земель в «южных широтах» позволяло безубыточно обеспечивать продовольственную безопасность. В 1816–1818 гг. также представилась воз-

⁴ Имтосими В.П., Портнягин А.Д. Душа зовет к забытым берегам. Пятигорск — Кисловодск, 2013. С. 36.

⁵ ПСЗРИ-1. Т. 25. № 19030.

⁶ Россия + Америка = 200 лет. К юбилею Российско-Американской компании. М., 1999. Вып. 1. С. 41.

возможность установления российского протектората над Гавайскими островами, но этот проект не получил поддержки императора Александра, занятого европейскими делами⁷.

Важными событиями в 1824 г. стало заключение конвенции «о непоколебимом сохранении дружественной связи» с США⁸ и в 1825 г. — англо-русской конвенции о границе владений на северо-западном побережье Америки и правилах торговли, мореплавания и рыбной ловли в Тихом океане⁹. В результате были разграничены сферы владений, размежеваны по склонам Скалистых гор североамериканских Кордильер. России достался западный склон, освоение которого позволяло посуху соединить Аляску с Калифорнией, сделав Русскую Америку самодостаточной и более преуспевающей. Для этого требовались тысячи колонистов различных профессий: крестьяне, казаки, чиновники, но после восстания декабристов правительству было не до того.

В результате торговая компания не освоила положенные России земли, оставшиеся в залежах, а затем доставшиеся Канаде (Британской Колумбии) и США. Не получила дирекция дипломатической поддержки в отражении претензий Мексики на Калифорнию. Поэтому 13 декабря 1841 г. крепость Росс с окружающими ее поселениями продали гражданину Джону Саттеру, который через несколько лет организовал промысловую добычу золота, но уже в юрисдикции США¹⁰. Рентабельность же Русской Америки немного снизилась, ведь была упущена прибыль, обеспечивавшая ее дальнейшее процветание¹¹, а сохранившиеся во владении земли оставались слабозаселенными, ведь Сенат еще в 1808 г. запретил вывоз крестьян из России, защищая крепостной строй¹².

Признаками «коммерческо-казенного периода» являются: активизация государства в использовании благ Тихоокеанского края, базирующаяся на предоставлении налоговых льгот и субсидий; монопольное

делегирование Российско-Американской компании государственных функций по управлению краем и расширению владений с привлечением по найму русских офицеров; вытеснение купечества из дирекции компании и запрещение переселения крепостных крестьян в Америку; организация на средства компании в 1804–1840 гг. географических экспедиций, в том числе кругосветных; утрата стратегической инициативы в расширении российских владений, вызванная превалированием казенного над коммерческим началом.

Наконец «административно-буржуазный период», начавшийся в 1844 г., завершился в 1867 г. продажей Русской Америки правительству США. В эти годы Российско-Американская компания стала эрзацем органа государственной власти в Тихоокеанском крае, усиление роли администрации было очевидным, ведь на Аляске, помимо торгового флота, уже размещался военноморской. Впрочем, процесс милитаризации шел и в континентальной части России, имея в виду «военные поселения» и передачу целых регионов в ведение Военного министерства (земли Войска Донского)¹³.

К середине XIX в. заокеанским владениям России требовались реформы, так как эволюционные преобразования, направленные на оживление экономики, не были реализованы своевременно и выделялись в установлении капиталистических принципов. Кроме того, были целесообразны государственные субсидии, так как присутствие на Тихом океане в условиях усиливающейся конкуренции с Великобританией и США требовало привлечения казенного финансирования.

Крымская война 1853–1856 гг. обнажила накопившиеся противоречия и дала повод к принятию неоднозначных решений. В то же время война не сказалась на финансовом состоянии компании, которая как «коммерческое предприятие» объявила о своем нейтралитете, успешно продолжая собственную деятельность. Убыточность Аляски, формально ставшая причиной ее продажи, была фальсификацией (фейком), основанной на личном желании некоторых сановников избавиться от заокеанских владений. Министр финансов Михаил Рейтерн

⁷ Широкоград А.Б. Утерянные земли России. XIX–XX вв. М., 2012. С. 48–50.

⁸ ПСЗРИ-I. Т. 39. № 29861а.

⁹ ПСЗРИ-I. Т. 40. № 30233а.

¹⁰ Имтосими В.П., Портнягин А.Д. Душа зовет к забытым берегам. С. 54–55.

¹¹ Миронов И.Б. Аляска преданная и проданная. История дворцового заговора. М., 2013. С. 31.

¹² Там же. С. 45.

¹³ Небрatenко Г.Г. Становление службы правопорядка на территории Донского казачьего войска (середина XVIII — начало XX вв.) // Государство и право. 2003. № 5. С. 86.

считал, что продажа сэкономит казенные средства, а часть денег пойдет на поддержку экономического баланса. Переговоры по продаже вел Эдуард Стебль, вознагражденный за это Александром II. Лоббировал сделку великий князь Константин Николаевич, курировавший морское ведомство и являвшийся председателем Государственного совета. Другими соучастниками уступки стали министр иностранных дел Александр Горчаков и морской министр Николай Краббе, а окончательное решение было за императором, и 18 (30) марта 1867 г. владения были проданы США за 7,2 млн долларов. Решение принималось в скрытой обстановке, текст договора отсутствует в Полном собрании законов Российской империи, и даже Российско-Американскую компанию уведомили о произошедшем только постфактум.

Признаками «административно-буржуазного периода» являются: превращение Российско-Американской компании в продолжение российского правительства; формирование условий для осуществления в Русской Америке капиталистического типа хозяйства; волюнтаристская политика Александра II и некоторых сановников в отношении заокеанских владений, связанная со стремлением избавиться от них без учета стоимости утраченных биоресурсов и полезных ископаемых, а также стратегического потенциала для дальнейшего развития государства.

Таким образом, излишний бюрократизм в управлении Русской Америкой, вероятно, коррупционные мотивы привели к утрате Аляски и иных стратегически важных территорий, эпилогом чего стала утрата в 1905 г. Порт-Артура, Южного Сахалина и Курильских островов. Однако предпосылки уступок складывались еще в первой половине XIX столетия, когда Россия в Тихом океане стала терять инициативу, зациклившись на европейском, кавказском или среднеазиатском политических театрах. Договор об уступке Аляски, вероятно, заслуживает историко-правовой переоценки на предмет

легитимности и соблюдения всеми сторонами взятых обязательств. При всей отдаленности американских владений в результате их потери Российская империя из трансконтинентальной державы превратилось в континентальное государство, причем без видимых на то оснований. С другой стороны, среди сановников имелись и противоположные тому примеры государственного подхода, когда генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Муравьев-Амурский благодаря собственной инициативе вернул Российскому государству Дальний Восток, заселив его крестьянами и казаками¹⁴. Заметную роль в этом сыграла Российско-Американская компания, поддержавшая Приамурье и освоившая Сахалин. Поэтому назиданием к потомкам в XXI столетии должно послужить изречение Николая I: «Однажды поднятый русский флаг спускаем быть не должен!»

Литература

1. Зорин А. Битва за Ситку, 1802–1814 гг. Эпизод из истории Русской Америки. М., 2016.
2. Имтосими В.П., Портнягин А.Д. Душа зовет к забытым берегам. Русская Америка глазами русских путешественников. Пятигорск — Кисловодск, 2013.
3. Миронов И.Б. Аляска преданная и проданная. История дворцового заговора. М., 2013.
4. Небратенко Г.Г. Становление службы правопорядка на территории Донского казачьего войска (середина XVIII — начало XX вв.) // Государство и право. 2003. №5. С.86.
5. Никитин Д.Н. Покорение Сибири. Войны и походы конца XVI — начала XVIII века. М., 2016.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).
7. Россия + Америка = 200 лет. К юбилею Российско-Американской компании. М., 1999. Вып.1.
8. Смирнов Н.Н. Забайкальские казаки в отношениях России с Китаем и Монголией. Волгоград, 1999.
9. Широкопад А.Б. Утерянные земли России XIX–XX вв. М., 2012.

¹⁴ Смирнов Н.Н. Забайкальские казаки в отношениях России с Китаем и Монголией. Волгоград, 1999. С. 130.

История преодоления беспризорности несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны (на примере Орловской области)

*Жилыева Светлана Константиновна,
начальник кафедры гражданско-правовых
и экономических дисциплин Орловского юридического
института Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент
nir-orui@yandex.ru*

*Аронов Дмитрий Владимирович,
профессор, заведующий кафедрой истории правовых учений
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева,
доктор исторических наук
aronovdv@mail.ru*

В статье рассматриваются проблемы борьбы с детской беспризорностью в годы Великой Отечественной войны на примере Орловской области.

В работе анализируются основные направления деятельности подразделений УНКВД Орловской области, непосредственно осуществлявших функции борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в 1941–1945 гг. Особое внимание уделяется таким направлениям деятельности, как выявление и изъятие безнадзорных детей, их прием и фильтрация, выяснение причин и обстоятельств совершения ими правонарушений, их устройство на воспитание в семьи, детские дома, ремесленные училища и школы ФЗО, на объекты промышленности и сельского хозяйства, в детские трудовые и трудовые воспитательные колонии.

Ключевые слова: беспризорность, безнадзорность, преступность несовершеннолетних, профилактика преступности несовершеннолетних.

History of Accommodation of Homeless Minors in the Great Patriotic War (as Exemplified by the Oryol Region)

*Zhilyaeva Svetlana K.,
Head of the Department of Civil Legal and Economic Disciplines of the Lukyanov Oryol Law
Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

*Aronov Dmitry V.,
Professor, Head of Department of History of Legal Doctrines
of the Oryol State University,
Doctor of Historical Sciences*

The article deals with the problems of homeless children in the years of the great Patriotic war. For example, in Orel region.

The paper analyzes the main directions of activity of divisions of the NKVD of the Oryol region, directly involved in the function of combating child homelessness and neglect in 1941–1945. Special attention is paid to such activities as the detection and seizure of street children, their reception and filtering, to determine the causes and circumstances of Commission of their offenses, their device into foster families, orphanages, vocational schools and schools of factory for the objects of industry and agriculture in children's employment and labor educational colony.

Key words: homelessness, neglect, juvenile delinquency, prevention of juvenile crime.

В годы войны перед Советским государством встала проблема спасения сотен ты-

сяч осиротевших и оставшихся без присмотра детей. С первых же дней войны местные

органы власти при содействии общественных организаций начали проводить активные мероприятия, направленные на помощь детям, оставшимся без родительского попечения. В сложнейших условиях прифронтовой полосы и районов, находившихся под угрозой вражеской оккупации, в сжатые сроки были вывезены в глубокий тыл сотни детских домов с десятками тысяч воспитанников. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. были объявлены на военном положении некоторые союзные республики и ряд областей, в том числе и Орловская область¹.

3 октября 1941 г. немецко-фашистские войска заняли Орел. Через несколько дней был захвачен Брянск. К началу декабря почти вся территория Орловской области оказалась в руках немецко-фашистских захватчиков. Только два района — Задонский и Краснинский — не были затронуты оккупацией².

6 декабря 1941 г. началось контрнаступление советских войск под Москвой. В эти дни была осуществлена Елецкая операция. 9 декабря фашисты были изгнаны из Ельца. Освобождением Ельца началось изгнание оккупантов с временно захваченной территории Орловской области. В декабре 1941 г. были освобождены от немецко-фашистских захватчиков Становлянский, Елецкий, Измалковский, Корсаковский, и Новодеревеньковский районы, а также города Елец, Новосиль и Ливны.

В условиях первой военной зимы было немало случаев, когда оставшиеся без родителей дети и подростки оказывались без какого-либо патронажа, без средств к существованию, совершенно не приспособленные к жизни в оккупированном городе. Подростки нередко попадали под влияние уголовных элементов и становились на преступный путь. Это была серьезная проблема для Орловской области. К числу подразделений УНКВД г. Орла и Орловской области, непосредственно осуществляющих функции борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью, следует отнести: детские приемники-распределители, детские комнаты милиции территориальных отделений

милиции, детские комнаты транспортных отделений милиции, отделы и отделения милиции города и области (детские пикеты, участковые уполномоченные, оперативные сотрудники, наряды и т.д.), отделы транспортной милиции.

Одними из первых подразделений, активно включившихся в сферу борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью, были детские приемники-распределители (ДПР) УНКВД по Орловской области. В соответствии с Постановлением СНК СССР от 23 января 1942 г. «О борьбе с детской безнадзорностью» в Орловской области начинается работа по организации детских приемников-распределителей. Руководство и контроль за созданием ДПР возлагалось на Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний при УНКВД Орловской области.

Во исполнение Постановления СНК СССР от 23 января 1942 г. Исполком Орловского областного Совета депутатов трудящихся 2 февраля 1942 г. принял решение «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». 12 февраля 1942 г. состоялось заседание комиссии при Исполкоме Орловского областного Совета депутатов трудящихся по устройству детей, оставшихся без родителей. Согласно этому решению планировалось организовать дом ребенка в городе Задонске на 100 человек³.

К марту 1942 г. в Орловской области работало три детских приемника-распределителя НКВД. Это Елецкий, Ливенский и Новодеревеньковский детские приемники⁴.

За третью декаду марта 1942 г. в Елецкий детский приемник поступило 11 детей, за первую декаду апреля — 16 человек, за вторую декаду апреля — 22 ребенка, за третью декаду апреля — 30 человек. В мае их поступило уже 95 человек. Из них в детдома направлено 2 человека, к родителям или родственникам — 10 человек, в школы ФЗО — 5 человек. Всего с февраля 1942 г. по март 1943 г. через Елецкий детский приемник-распределитель прошли 470 человек⁵.

Аналогичная картина складывалась и в двух других приемниках-распределителях. Так, за период с 23 февраля 1942 г. по 1 января 1943 г. через Ливенский приемник-

¹ Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942 гг. Л. : Ленинградское газетно-журнальное и книжное изд-во, 1942. С. 70.

² Воробьева В.Я., Емельянов И.Н., Кострица А.Ф. Край наш Орловский. Тула, 1976.

³ ГАОО. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

⁴ ГАОО. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁵ ГАОО. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

распределитель прошел 241 человек, через Новодеревеньковский — 47 человек⁶.

В целях быстрейшего выявления безнадзорных и беспризорных детей силами сотрудников УИТ НКВД Орловской области (в подчинении которых они были) следовало организовать обходы домохозяйств районов города, выявляя безнадзорных и беспризорных детей. Эту работу было предложено проводить с привлечением комсомольских организаций районов, местных активов милиции. Пересматривался контингент детей, содержащихся в детских приемника-распределителях, и лица, не нуждающиеся в карантине, отправлялись сразу в детские дома. Для решения этих вопросов следовало мобилизовать всех сотрудников отделений милиций, и в первую очередь участковых инспекторов. Конкретные меры по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью принимали отделения милиции. Задерживались все дети на улицах без родителей после 21 часа, на рынки высылались специальные патрули, создавались пикеты при отделениях милиции из молодежи, активистов. В условиях нехватки приемников-распределителей отделения милиции были вынуждены оперативно решать вопросы эвакуации детей или их патронирования. Эта работа находилась под постоянным контролем партийных и советских органов власти, а также общественности.

Управлению милиции Орловской области надлежало обеспечить выполнение всех вышеупомянутых мероприятий и принять необходимые меры к тому, чтобы организовать эффективную борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью. Все задержанные дети после проверки подлежали направлению в ДПР НКВД. Обращалось также внимание на то, что работа по изъятию беспризорных и безнадзорных должна была проводиться повседневно, а места скопления этой категории лиц, такие, как рынки, кинотеатры, столовые, транспорт, должны обеспечиваться специальными нарядами милиции во главе со старшим из начсостава. Задерживаемые беспризорные и безнадзорные и находящиеся в ДПР подлежали последующей передаче в железнодорожные училища и школы ФЗО.

Летом 1943 г. в связи с полным освобождением Орловской области, возвращением в город населения и соответствующим увели-

чением числа беспризорных и безнадзорных детей в городе и области начинают открываться новые детские приемники-распределители. Так, приказом начальника Управления НКВД по Орловской области от 22 июля 1943 г. № 454 предписывалось немедленно организовать детские приемники в следующих районах: г. Орел, с обслуживанием районов: Мценского, Болховского, Тельченского, Кромского, Знаменского, Свердловского, Урицкого и Сосковского; г. Севск с обслуживанием районов: Суземского, Брасовского, Комарического; и г. Карачев с обслуживанием районов: Хотынецкого, Шаблыкинского, Навлинского. Начальникам РО НКВД Севского и Карачевского районов необходимо было обеспечить подбор помещений для детских приемников, укомплектовать штаты и получить необходимое довольствие. При этом все начальники РО НКВД были обязаны усилить работу органов милиции и общественности по выявлению беспризорных детей и направлению их в детские приемники.

Во исполнение данного распоряжения 16 августа был издан приказ начальника Управления НКВД № 604 об организации детского приемника-распределителя НКВД в г. Орле⁷.

В донесении начальника отдела по БДББ УНКВД Орловской области капитана милиции Алимченко председателю Исполкома Орловского областного совета депутатов трудящихся «Об организации детских приемников-распределителей по Орловской области» от 23 октября 1943 г. указывается: «Выполняя Постановление СНК ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», УНКВД организовало 2 специальных детских приемника-распределителя на 150 человек: в г. Орел — на 100 человек и в г. Карачев — на 50 человек. Отведенные помещения для детских приемников полностью удовлетворяют. Ремонт помещений произведен. В детских приемниках оборудованы кухонные очаги емкостью на 100–150 человек, имеется посуда (тарелки, ножи, вилки, чашки, кастрюли). Установлены котлы и ванны для санпропускников. На 23.10.43 г. детские приемники обеспечены кроватями: Орловский на 100%, Карачевский на 100%. Постельные принадлежности (одеяла, наволочки, простыни) есть.

⁶ ГАОО. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.

⁷ ГАОО. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 4. Л. 98.

Обмундированием обеспечиваются по мере поступления детей в детские приемники. Руководящими кадрами и обслуживающим персоналом укомплектованы полностью, медперсонал по штатной положенности укомплектован, имеются необходимые медикаменты. Детские приемники имеют подсобные земельные участки: Орловский — 1,75 га, Карачевский — 0,75 га. Орловский имеет двух лошадей, Карачевский одну лошадь, с упряжью и повозками. Продуктами питания обеспечены, согласно установленных норм. За период функционирования детских приемников: Орловского с 1 сентября и Карачевского с 20 сентября пропущено 420 детей, из которых отправлено: в специальные детские дома Наркомпроса — 100 человек; к родным и родственникам — 68 человек; на трудовое устройство — 20 человек».

На 6 ноября 1943 г. УНКВД Орловской области имело 9 ДПР с емкостью 540 мест. Основной задачей детских приемников-распределителей были прием и дальнейшее устройство безнадзорных и беспризорных детей в возрасте от 3 до 16 лет на воспитание в семьи трудящихся, в детские дома, ремесленные училища и школы ФЗО, в промышленность или сельское хозяйство, в трудовые воспитательные колонии НКВД.

За 1943 г. с улиц и общественных мест Орла было, говоря языком той эпохи, изъято и доставлено в приемник-распределитель г. Орла беспризорных детей — 2341, из них мальчиков — 1610, девочек — 731. Из этого количества детей от милиции поступило — 1019, от общественных организаций — 1294 человека, и явились сами — 28. Из них выбыло: к родителям или родственникам — 440; в детдома — 1011; трудоустроено — 250; бежали — 41.

К концу 1943 г. в Орловской области действовало уже 9 детприемников-распределителей, из которых три спецприемника НКВД СССР: Орловский (на 100 человек, организован 1 сентября 1943 г.); Карачевский (на 50 человек, 1 октября 1943 г.); Клиновский (на 100 человек, 1 декабря 1943 г.) и детская трудовая воспитательная колония НКВД № 1 в г. Стародуб на 400 человек, которая была открыта 15 декабря 1943 г.

С июля 1944 г. в связи с образованием Брянской и Калужской областей территория Орловской области значительно сократилась. В соответствии со справкой о состоянии беспризорности, безнадзорности и пре-

ступности в Орловской области за первый квартал 1945 г. действовали 3 спецприемника: Орловский и Елецкий на 100 человек каждый, Ливенский (75 человек)⁸.

Руководствуясь положениями Постановления СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», НКВД СССР приказом от 7 июля 1942 г. внес дополнения и изменения в Положение о приемниках-распределителях. Был расширен перечень оснований направления детей из приемников-распределителей в детские учреждения.

Так, в августе — декабре 1943 г. в Орловских детприемниках находились дети из 20 областей страны, например Минской, Киевской, Московской, Тульской, Ворошиловградской, Черниговской и пр. Согласно сообщениям начальников данных учреждений, «дети в большинстве случаев поступали в грязном, завшивленном и рваном белье, без обуви, часто зараженные инфекционными заболеваниями (чесотка и др.)...» Больные дети помещались в изолятор, где проводилось лечение под наблюдением врача или медсестры. Тяжело больные дети направлялись в больницы. Проводились дезинфекция помещений, санобработка и профилактические прививки среди детей. По данным на октябрь 1943 г., в спецприемники поступили один ребенок с болезнью почек, семь с инфекционными заболеваниями. Чаще всего это были дети, родители которых были на фронте (155 человек), в партизанских отрядах (47), в оккупированных районах (2), эвакуированные неизвестно куда (11), место нахождения неизвестно (78)⁹.

В соответствии с приказом пребывание несовершеннолетних в приемниках-распределителях сокращалось до двух недель. Работа приемников-распределителей должна была проводиться в тесном взаимодействии с комиссиями по устройству детей.

В условиях массовой детской беспризорности и безнадзорности детские приемники-распределители часто были вынуждены нарушать установленные сроки содержания детей. Например, в Орловском спецприемнике в апреле 1945 г. находились до 14 дней — 55 детей и подростков, до 30 дней — 29, свыше месяца — 36 подростков. Это было связано с тем, что многие детские дома были переполнены, а промышленные предприятия не были заинтересованы в не-

⁸ ГАОО. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 4. Л. 90.

⁹ ГАОО. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 4. Л. 90.

квалифицированной рабочей силе, в силу чего в ряде областей дети месяцами находились в детских приемниках-распределителях, что значительно затрудняло их деятельность.

Таким образом, в период с июня 1941 г. по июнь 1943 г. в СССР в чрезвычайных условиях военного времени беспризорность и безнадзорность принимают массовым характер. Меры по борьбе с указанными явлениями, предпринятые государством, оказались недостаточными.

Масштабы детской беспризорности, безнадзорности и порождаемой ими преступности в первые военные годы привлекли внимание руководства СССР. Для того чтобы изменить ситуацию, необходимо было принять самые решительные меры. Во второй половине 1943 г. был осуществлен целый комплекс организационно-правовых мероприятий, направленных на борьбу с принявшей угрожающие размеры детской беспризорностью и безнадзорностью.

В целях усиления мер и концентрации усилий по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в составе НКВД СССР, в УНКВД краев и областей, в союзных и автономных республиках приказом НКВД СССР от 21 июня 1943 г. № 0246 были организованы отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (ОБДББ). Эти отделы подчинялись непосредственно наркомам внутренних дел и начальникам УНКВД, а также Отделу по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью НКВД СССР. В ведение данных отделов (отделений) по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью из УИТАК-ОТК ГУЛАГа НКВД СССР были переданы трудовые воспитательные колонии для несовершеннолетних, трудовые колонии для несовершеннолетних заключенных и детские приемники-распределители¹⁰.

В Орловской области Отделение по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в составе УНКВД из трех человек было создано в июле 1943 г. Оно произвело согласно инструкции НКВД СССР прием в свое ведение приемников-распределителей от отдела исправительно-трудовых колоний НКВД СССР. В связи с увеличением сети детских учреждений в области по приказу НКВД СССР от 8 сентября 1943 г. № 589 был создан Отдел БДББ со штатом в 13 единиц. Началь-

ником отдела по БДББ УНКВД Орловской области был назначен капитан милиции С.К. Алименко, которого в 1944 г. сменил старший лейтенант государственной безопасности П.Е. Фролкин, имевший высшее педагогическое образование. Орловский спецприемник-распределитель с ноября 1943 г. возглавлял младший лейтенант милиции И.В. Смирнов, награжденный медалями «За отвагу» и «Партизан Отечественной войны 1-й степени»¹¹.

ОБДББ входил в Управление НКВД Орловской области в качестве самостоятельного отдела со всеми ДПР г. Орла и Орловской области на правах структурных подразделений.

Отделом по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью Орловской области по состоянию на 1 января 1944 г. было взято на учет беспризорных — 8154 человека, безнадзорных — 998 человек.

Таким образом, в системе НКВД был создан специальный аппарат, призванный организовать и координировать борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью. Однако анализ нормативных правовых актов, регламентирующих его деятельность, показывает, что предоставленные ему возможности для деятельности в указанной сфере были недостаточны. Детские комнаты милиции не были подчинены ОБДББ.

К числу подразделений УНКВД Орловской области, непосредственно осуществляющих функции борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью, относились детские комнаты милиции территориальных подразделений и детские комнаты транспортных органов милиции.

СНК РСФСР Постановлением от 6 июля 1944 г. «Об улучшении работы детских коммунат» поручил областным, краевым и городским исполнительным комитетам и СНК автономных республик «навести должный порядок в работе детских коммунат при органах милиции, предоставить им соответствующие помещения и укомплектовать совместно с органами милиции работниками, имеющими опыт работы с детьми»¹².

Приказом от 7 июля 1944 г. НКВД СССР утвердил Инструкцию «О работе детских коммунат милиции». Детские комнаты при органах милиции стали официально именоваться детскими комнатами милиции, хотя

¹⁰ Дети ГУЛАГа. 1918–1956. М., 2002. С. 387.

¹¹ ГАОО. Ф. Р-1693. Оп. 1. Д. 49. Лл. 47, 51.

¹² СП РСФСР. 1944. № 27. Ст. 351.

это наименование использовалось и раньше. Устанавливалось, что детские комнаты милиции организуются при городских, районных и линейных отделах внутренних дел для приема беспризорных и безнадзорных детей на время, необходимое для выяснения причин беспризорности, направления родителей, лицам, заменяющим их, или в соответствующие детские учреждения. В детской комнате милиции разрешалось содержать детей до 6 часов с момента доставления¹³.

В начале Великой Отечественной войны в СССР действовало 260 детских комнат, из которых две — в Орловской области (в Орле и Ельце). Во время оккупации территории Орловской области — только в Ельце. После освобождения Орловской области в 1943 г. была организована вторая детская комната милиции в Орле по ул. Сакко-Ванцетти, д. № 14. Вся работа детской комнаты милиции контактировала с работой ДПР, беспризорные и безнадзорные дети из комнаты милиции направлялись в ДПР. Общественность в работе детской комнаты принимала участие через организованные группы из комсомольцев, учителей, учащихся старших классов, студентов вузов и родителей, которые работали по изъятию беспризорных и безнадзорных детей из общественных мест — рынков, кинотеатров, столовых, вокзалов и т.д. Массовые рейды проводились от случая к случаю. Системы и плановости в проведении последних не было. В результате проведенных рейдов через детскую комнату милиции в первом квартале 1944 г. прошло 149 человек. Связь детской комнаты милиции с отделами народного образования, школами, райсоветами и домоуправлениями была явно недостаточной.

По состоянию на 1 апреля 1944 г. по городам и районам Орловской области адресно-справочными столами взято на учет беспризорных (детей, оставшихся без родителей) — 8154 человека, безнадзорных — 998 человек.

На протяжении 1944 и 1945 гг. ставился вопрос о необходимости организации в Орловской области согласно Постановлению СНК СССР № 659 от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» детской трудовой и трудовой воспитательной колонии НКВД СССР для содержания малолетних преступников, а

также беспризорных и безнадзорных детей и подростков, неоднократно замеченных в мелком хулиганстве, воспитанников детских домов, систематически нарушавших внутренний распорядок. Начальник УНКВД по Орловской области полковник государственной безопасности Тихомиров в марте 1945 г. обосновывал эту необходимость тем, что «наличие такого контингента подростков у нас не уменьшается, а возрастает. Так, за третий квартал 1944 г. зарегистрировано 30 случаев преступлений, совершенных малолетними с участием 43 человек, в четвертом квартале количество преступников возросло до 50 случаев с участием 55 человек». Справка о состоянии беспризорности, безнадзорности и преступности за первый квартал 1945 г., подготовленная начальником отдела БДББ Фролкиным, содержит сведения об уровне преступности среди несовершеннолетних за указанный период: «...по Орловской области было зарегистрировано 25 уголовных преступлений, совершенных несовершеннолетними, в том числе: грабежей-рывков — 1, убийств — 3, краж квалифицированных — 10, краж простых — 6, краж карманных — 3, дерзких форм хулиганства — 1, прочих преступлений — 1. Пятьдесят процентов всех преступлений падает на г. Орел. Из числа 25 совершенных преступлений было возбуждено 22 уголовных дела, по которым привлечено к уголовной ответственности 21 человек детей и подростков и 9 человек взрослых подстрекателей»¹⁴.

Подводя итоги вышеизложенному, следует отметить, что на протяжении всех военных лет Советское государство уделяло огромное внимание проблеме беспризорности и преступности несовершеннолетних. В данный период в СССР был осуществлен ряд организационных и практических мер, направленных на совершенствование деятельности органов НКВД по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью. Был создан специальный орган — Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью НКВД СССР.

Нормативно-правовая база, на основе которой осуществляли свою деятельность органы НКВД по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью, оперативно совершенствовалась в со-

¹³ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 108. Д. 332. Л. 18.

¹⁴ ГАОО. Ф. Р-1693. Оп. 2. Д. 15. Л. 13.

ответствии с новыми условиями и с учетом накопленного опыта.

Изученные материалы позволяют сделать вывод о том, что деятельность подразделений УНКВД Орловской области, непосредственно осуществляющих функции борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью, соответствовала основным задачам, поставленным перед ними УНКВД города и области. Основными направлениями их работы были: выявление и изъятие безнадзорных детей с улицы и других мест, фильтрация, прием доставленных с улиц и других общественных мест беспризорных и безнадзорных детей, выяснение причин и обстоятельств совершения ими правонарушений, дальнейшее устройство на воспитание в семьи трудящихся, в детские дома, ремесленные училища и школы ФЗО, на объекты промышленности и сельского хозяйства, в детские трудовые и трудовые воспитательные колонии.

Деятельность органов внутренних дел по борьбе с беспризорностью, безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних, как в целом по стране, так и в Орловской области, дала свои результаты.

Архивные материалы подтверждают, что органы внутренних дел, реализуя поставленные перед ними задачи, успешно справились с первой волной массовой беспризорности и безнадзорности в 1941–1945 гг.

Литература

1. Воробьева В.Я., Емельянов И.Н., Кострица А.Ф. Край наш Орловский. Тула, 1976.
2. Дети ГУЛАГа. 1918–1956. Документы. М., 2002.
3. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942 гг. Л. : Ленинградское газетно-журнальное и книжное изд-во, 1942. 272 с.
4. СП РСФСР. 1944. № 27. Ст. 351.
5. ГАОО Ф. Р-1693 (Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью управления МВД по Орловской области). Оп. 1. Д. 4; 123; Оп. 2. Д. 15.
6. ГАРФ. Ф. 7523 (Верховный Совет СССР). Оп. 108. Д. 332 (Справка о действующих в системе МВД исправительных учреждениях для несовершеннолетних; справка о судимости несовершеннолетних; копии препроводительных писем о направлении писем граждан на рассмотрение ведомств. (В деле находится Сборник законодательных и ведомственных актов по делам несовершеннолетних, 1954 г., экз. № 4961, к вх. с/ч-73с 19.V-59 г.)).

Государство-полис: реальное и воображаемое

*Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igp@yandex.ru*

В статье исследуется важный для политико-правовой истории аспект — формирование и истоки такого феномена, каким являлась политическая утопия. Ее классическим образцом была «политея» Платона, которая формировалась в борьбе с идеологией и концепциями греческих софистов и политических демагогов. Актуальность темы непреходяща, поскольку вся последующая политическая история Европы протекала под знаком этой платоновской утопии. В качестве модели она была воспринята как демократическими, так и тоталитарными идеологами современного мира. В греческом «фантомном» государстве диалектически сочетались черты широкой демократии и тирании. Полис представлял собой одновременно территориальное, пространственное образование и духовно-символическое единство, своеобразную «матрицу», из которой позже рождалась современная государственность.

Ключевые слова: право, закон, полис, демократия, тирания, власть, диктатура, истина, мнение, война, история, народ, массы, миф, воображение, утопия.

City State: the Real and the Imaginary

*Isaev Igor A.,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctor of Law, Professor*

The article studies an aspect important for the political and legal history, that is formation and origin of such phenomenon as the political utopia was. Plato's Politeia was a classic example of such phenomenon and was formulated in the struggle against the ideology and concepts of the Greek sophists and political demagogues. The topic is timeless as all the later political history of Europe moved under the sign of the Platonic utopia. As a model, it was accepted both by democratic and totalitarian ideologists of the modern world. The Greek "Phantom" State dialectically combined features of grassroots democracy and tyranny. City state was an integration of territorial, spatial, spiritual and symbolic bases, it was a kind of "matrix", which later gave birth to the modern statehood.

Key words: law, act, city state, democracy, tyranny, authority, dictatorship, truth, opinion, war, history, people, the masses, myth, imagination, utopia.

1. Полис как пространство власти

В своих «Законах» Платон изображал государство как законосообразный космос и дух, как цель всей культуры: гражданская добродетель заключалась в добровольном подчинении всех авторитету закона. Этнос здесь явно перевешивал логос: верность закону и дисциплине была важнее вопроса, насколько простой человек разбирается в конкретных целях государства и ведении общих дел. Полисное государство было для своих граждан гарантом всех экзистенциальных основ жизни.

Для Солона «эвномия», как и «дикэ», — такая же богиня, ее воздействие имманентно, она раскрывается не во внешнем воздействии небес, но в мире и гармонии

общественного космоса. И божественное наказание проявлено и осуществляется также имманентно, выражаясь в разрушении социального организма — гражданских войнах, массовых бунтах, насилии и несправедливости, эмиграции и долговом рабстве. Солон еще не говорит об опасностях демократии: при политической незрелости массы до этого еще далеко, и только тирания, свергнув власть знати, проложит ей путь¹.

Идеал не может стать обязательным, если он уже актуально не является действующим: ведь обязывает не сама идея, а именно ее действие. Идея демократии — хотя и самая удаленная от природы, но она же —

¹ Йереп В. Пайдейя. М., 1997. Т. 2. С. 182–183.

единственная в намерении, которое выходит за пределы жизни. Чтобы быть неприкосновенными, эти права требуют от всех непоколебимой преданности долгу. Ее идеальному гражданину, который является одновременно и законодателем, и подданным, этот долг дарует права, так же как «само право навязывает долг» (А. Бергсон): ритори, формулируя полисную идею, создавали вербально-виртуальное пространство полиса, воображаемое, но от этого только более влиятельное и имманентное.

Реальный же полис сформировал свое социальное пространство с центром на Агоре: власть осознанно расположилась не во дворце, а где-то посередине. Здесь же стоял и сам оратор, вещавший от лица всех, самому этому пространству соответствовало особое «гражданское время»: здесь слово, убеждение превращалось в главный политический инструмент, перестав быть только ритуальным заклинанием: слово рождало спор, в результате которого принимались решение или закон.

Гибель божественной сферы стала разделением могущества и единства на элементы — огонь, воздух, воду, землю, сопоставимым с разделением мира между гомеровскими богами. «Последующее возникновение сферы — это торжество силы равенства, не расплывающейся элементы, а устанавливающей между ними равновесие». У Анаксимандра и Эмпедокла каждый элемент поочередно, подобно гражданам в полисе, правит во времени, но всеобъемлющее равенство устраняет чрезмерности каждого правления. Софисты были уверены, что справедливая политика возможна потому, что «искусство выбора присуще гражданину от природы» (Протагор): всякая человеческая деятельность была для греков деятельностью именно политической. Уже пифагорейцы утверждали, что полис вовсе не следует собственному идеалу справедливости («в политике слабый аргумент может одержать верх над более сильным доводом»), здесь господствует арифметическое («гражданин равен гражданину»), а не основанное на соразмерности геометрическое равенство. И для Платона моделью для его идеального государства служит не столько реальный полис, сколько космический порядок².

Гегель говорил, что единство и идеальность всех особых функций и властей

² См.: Видаль-Накэ П. Черный охотник. М., 2001. С. 278–280.

и есть истинный суверенитет государства («Философия права», § 278), в котором проявлена его субъективность.

У Аристотеля типы государств определяются соотношением господства и формы государственного устройства, которое является «техническим» распоряжением в области организации государственных должностей вообще, и в первую очередь верховной власти, которой они подчинены. Так, в монархиях все политическое бытие организуется вокруг некоего высшего сакрального центра, чья легитимность исходит от божества, а не от населения, состоящего из его же подданных («В современном представлении государственный суверенитет полностью, монотонно и равномерно распространяется на каждый квадратный сантиметр законодательно отграниченной территории. В архаическом же воображении, в котором государства определялись их центрами, границы были проницаемыми и нечеткими, а суверенитеты неощутимо переходили один в другой»³).

Географическая локализация не столь важна для полиса, как его организационная структура, складывающаяся во взаимном «действии и говорении» его граждан. Эта деятельность и создает публичное пространство, причем все обстоит так, будто бы городские стены и рамки закона, ограждающие полис, проведены вокруг уже существовавшего до основания государства публичного пространства, которое, однако, все же ожидает акта учредительного проведения границы, чтобы утвердить себя в реальности и пережить момент своего возникновения в поступке и речи⁴.

Само бытие предоставляет место для всего сущего, и в этом случае платоновская «политея» вовсе не является некоей традиционной утопией, но вполне определенным метафизическим топосом, припоминанием акта вхождения в сущностное, а не «планированием в фактическое». Поэтому и сущность того, что обозначается словом «полис», а именно «политея», также не определяется только политически: в «полисе» столько же мало собственно политического, как и в самом пространстве — пространственного. «Полис» — это только овеществленный номос... только способ, каким бытие сущего в своем раскрытии и со-

³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 43.

⁴ Арентс Х. Vita activa. М., 2004. С. 262–263.

крытии определяет для себя то «где», в коем остается собранной история человечества: греки по своей сути являлись неполитическим народом, их природа определялась только в ракурсе бытия, поэтому именно они и должны были прийти к основанию «полиса», места, где происходит собрание и сохранение истины или нескрываемости (М. Хайдеггер)⁵.

Государственность как воображаемая реальность вполне может обходиться без территории, полностью отсутствующей у него либо оккупированной врагом, но для того, чтобы олицетворять властные отношения, она должна обязательно располагать властным центром и определенной массой подданных. При этом она обладает вполне реальным пространством властвования и соответствующими порядком и иерархией. Пространственная же мобильность в таком случае не всегда играет положительную роль: Карл Шмитт увидел во все возрастающей географической мобильности причину и одновременного разрушения суверенитета, и развития категорической враждебности (Б. Андерсон в «пилигримах» или «паломниках», фигурах, перемещающихся в формирующемся имперском пространстве, видит также важный фактор территориальной локации).

И только стабилизирующая традиция несет в себе подлинный порядок и разумное движение истории, вне которых нет иной альтернативы, кроме как тирания или анархия. Эта современная армия идей включает в себя и теорию монархической власти, и противовесы этой власти (папа и посредничающие институты) «перед лицом якобинского государства, предвосхитившего то, которое мы сегодня называем тоталитарным» (Ж.-Л. Дарсель)⁶. И если Лейбниц и Фихте все еще оставались при этом в пределах монадического мышления, то уже с романтиков начинается настоящее возрождение имперской идеи.

Государственная идея полиса парадоксальна. Она желает свести все властное пространство, которое ему принадлежит, в одну точку, собственный властный центр. В то же время его пространственные амбиции беспредельны, он проецирует свой образ на вселенную, так рождается ойкумена, такова глобалистская политическая прак-

тика полиса Рима, родившая идею империи, в которую превратился город. Но на любом из этих путей множество подчиняется единому, точечному или беспредельному.

Единство подсознательно желает остановить мобильность и в то же время растает за счет мобильности. В этом и заключалась проблема полиса, границей которого де-факто оказывается только препятствующая его расширению сила другого полиса: суверенитет — это всегда только результат фактического соотношения сил, встречающихся на политической арене.

Однако гераклитова война, которая была главным фактором равновесия и гармонизации, у Платона изящно превращается в конгломерат соотнесенных между собой истин, сосредоточенных вокруг основной — идеи общего блага. В Платоновом «Государстве», которое, по сути, является республикой, политическое множество сводится в устойчивое единство, которое и олицетворяет собой полис, содержащий в себе целую иерархию режимов истины. Но это никак не является только вербальным достижением «тирании риторики», политическая суверенность достигается только через аномальную свободу лучших. Политическая жизнь здесь явно обладает ценностным приоритетом перед «голой жизнью», и поскольку логика подчинена политике, а конвенциональные представления о справедливом — воле суверена, то у «лучшего» оказывается и реальная власть над режимами истины в их единстве⁷: справедливость и закон, по сути, существуют лишь для подданных, суверенный же правитель обходится без них, любое определение справедливости через закон всегда подчиняется идейному произволу власти имущих, — утверждает Фрасимах.

Политический организм сцеплен в единство имеющимся у него осязаемым потенциалом власти, который и существует только в той мере, в какой он реализуется. Власть же есть всегда потенциал мощи, а не что-то непреходящее и однозначно надежное, она возникает среди людей, только когда они действуют вместе, и исчезает, как только они снова рассеиваются во времени и пространстве: «Власть есть то, что зовет к существованию и вечно удерживает в бытии публичную сферу, потенциальное пространство явленности среди действу-

⁵ Хайдеггер М. Парменид. СПб., 2009. С. 208–209.

⁶ В кн.: Ж. де Местр. Рассуждения о Франции. С. 207.

⁷ Глухов А. Перехлест волны. М., 2014. С. 293–294.

ющих и говорящих»⁸. Власть по сути столь же безгранична, как и само действие. Неделима вовсе не сама власть (Х. Арендт считает, что разделение властей только усиливает власть), а ее сила, которая оказывается ограниченной в своих возможностях воздействия.

Юридическая «теория признания», к которой явно склоняется и Фрасимах, ставит действие права в зависимость от согласия законопослушных граждан. Подобно более поздней теории «общественного договора» (Гоббс, Руссо), в ней речь идет о «воображаемом истинном интересе» индивида⁹. Если же отказаться от этого воображаемого признания со стороны граждан и пытаться выявить их подлинную заинтересованность в реальном функционировании права, то только это может привести к «правильному естественному праву» от «неправильного» действующего и позитивного права.

2. Воображаемый полис и реальная природа

Знание являлось в полисном мышлении предварительным условием участия гражданина в управлении государством, знание же давало и власть. На основе этой идеи Платон сконструировал свое главное идеальное государство как коррелят некоего высшего космоса, государство как «произведение искусства». Образом и подобием человеческой души стало и внутреннее разделение воображаемого государства: мудрые правят, сильные их поддерживают, масса повинуется: добродетели различных частей души суть добродетели различных сословий в государстве. Политическое искусство, в соответствии с идеями справедливости и блага, строит из материала души внутренний космос, подобно тому, как благое божество строит внешний космос.

Идеальное государство, конечно же, создается «прямо из воздуха»: в процессе строительства возникает концентрированное, но бессильное противопоставить игре интересов единство. «Совокупный человек» — это, по существу, некий троп, и утверждаемое этим тропом реальное единство государства не только недостижимо, но даже не делается никаких попыток проявить содержание самого этого тропа с помощью понятий: «...связь факторов здесь заменяет-

ся метафизическим сказочным существом, каким и становится «совокупный человек». Аристотель, обращавший большое внимание на иерархии органических существ, представил полис уже как высокую цель, к которой стремятся все более элементарные формы сообщества, и тем самым подготовил представление о государстве как «организме», сделав его последним словом метафизики государства¹⁰.

Природно-историческая среда, как среда властного воздействия, оказывается не тождественной ни юридическому представлению о суверенитете и территории, ни дисциплинарному пространству. Суверен реализует свою власть в пункте, точке соединения, где природа в смысле физических элементов взаимодействует с природой в смысле природы человеческого рода, — здесь сама среда становится детерминантой природного. Здесь же суверен находит достойное применение своим силам и, меняя среду, изменяет людей¹¹. Тогда особенностью всякого реального явления становится уже не его длительность и даже не его сущность, но его общность с другими вещами и явлениями: это общее качество и было названо Аристотелем «концепция», а Платоном — идеей (эйдосом).

Природа с ее «инстинктом государственности в лице победителя с железной рукой», от которого исходит магическая воля, создает отечество: «Сила создает первое право, которое в своей основе является присвоением, узурпацией, насилием». Массы только слепо подчиняются этому природному инстинкту, являясь лишь средством государственной и не известной им цели, при этом «монархические инстинкты» народа в этой ситуации разлагаются под действием исключительных и корыстолюбивых стремлений политических элит. (Платон, правда, сам еще не увидел, по мнению Ницше, настоящей цели государства — того олимпийского существования и постоянно обновляемого рождения и подготовки гения, для которого все остальное — только средства, — и неправомерно исключил из этого генетического процесса художников и поэтов.)

Платон ставит закономерный вопрос: не является ли искусство управлять государ-

⁸ Арендт Х. *Vita activa*. С. 265.

⁹ Радбрук Г. *Философия права*. М., 2004. С. 96.

¹⁰ Фуко М. *Безопасность, территория, население*. СПб., 2011. С. 41–42.

¹¹ Ницше Ф. *Греческое государство* // *Философская проза*. Минск, 2000. С. 29–31.

ством, знание, присущее политику, которое есть не просто «осведомленность, необходимая для нахождения своего пути в пещере», но которое зависит от созерцания идеи блага, главным условием и составной частью самого этого созерцания? Ведь управление государством или царствование есть скорее искусство познавательное, чем физическое. Однако само искусство политики оказывается неразрывно связанным с реальным процессом «разведения и выращивания или же заботой о стадах особой разновидности живых существ, именуемых людьми»¹²: пайдеия или воспитание гражданина и управление непросвещенной массой — насколько сочетаемы эти процессы в полисном единстве?

Арифметическое равенство полисной демократии отрицало природное различие и подавляло всякого выдающегося человека, тем самым устанавливая равное распределение между равными и неравными. Это — режим по-настоящему математически выверенной репрезентации. Но именно демократия легче всего переходит в тиранию, когда, по словам Калликла, приходит господин-освободитель, попирающий существующие законы. Именно под масками демократии и олигархии всегда скрывались настоящие тираны: демос и аристократы, необузданные в своих желаниях. Ведь чужое благо и в демократии, и в тирании — по сути одно и то же, это — свобода.

Поощрение вседозволенности в демократии неизбежно ведет к тирании. Попытки воспрепятствовать этому посредством законов и разнообразия удовольствий («зрелищ») — одно только лицемерие: ведь демократия умышленно дает не только свободу выбора, но и пестрое обескураживающее множество избыточных удовольствий.

Тиран же вырастает из самой полисной среды как ставленник народа, хотя за ним и скрывается вся мощь природной спонтанности. (В продуцировании вождельений именно демократический режим сталкивается с определенным типом желаний, который обнаруживает себя в сновидениях. В них человек испытывает страсти, далеко выходящие за пределы дозволенных самим демократическим режимом. Греки не видели особого различия в том, является ли им бог во сне или наяву. И то и другое имело для них одинаковое значение и реальность.

Сон возвещал истину, хотя мог быть и обманом. «И в чисто практическом смысле, и в установке на реальность, которую человек принимает не просто в представлении, но в действии и деятельности, определенные сны получают ту же силу, значение и «истину», как и события, переживаемые наяву», — утверждал Эрнст Кассирер. Но для тирана пропадает различие сна и яви: этот человек и наяву таков же, каким был во сне. «У его свободы нет своей цены, его натура зависит от высших усилий: он либо господствует, либо находится в рабстве у другого господина»¹³.)

Аристотель в «Никомаховой этике» уже не связывал царскую власть напрямую с тиранией, как особой государственной формой: у него такие понятия, как «тиран» и «царь», указывают на их полную противоположность. «Царское искусство» вовсе не совпадает с софистической политикой тирана, а настоящая политика возможна только в первом случае.

И все же всегда имело место трудно преодолимое искушение стабилизировать политическое бытие через введение некоего неполитического порядка вещей. Понятие государства, введенное уже после Платона, способствовало формированию представления, что «вся политика есть форма господства», а правовое государство преимущественно занимается лишь упорядочиванием этого господства и подчинения, повелевания и повиновения на основе позитивных законов: в понимании Платона дело здесь шло о том, чтобы «добиться возможности для вождя и начинателя остаться таким же господином всей акции в суверенной независимости». Начинания и действие разделяются друг от друга: начавший становится властителем над исполнителями, и тем самым политическое редуцируется в «искусство управления», Платон указывает на этот разрыв между деянием и знанием, резко отделяющий властителей от подвластных¹⁴. Хотя Арндт и опасалась, что подобное понимание политики исключительно через суверенитет и правление ведет к игнорированию ее судьбоносной природы, вторжение необходимости перетянуло чашу весов на сторону защитников абсолютно политического суверенитета», вдохновленных еще идеями Ж. Бодена и Т. Гоббса.

¹² Штраус Л. О тирании. СПб., 2006. С. 245.

¹³ Глухов А. Указ. соч. С. 406–408.

¹⁴ Арндт Х. Vita activa. С. 294–295.

Политика суверенного государства в конце концов озаботилась исключительно правлением — навязыванием одной-единственной властью решений и законов коллективному «телу народа»¹⁵.

Древнее «арте», или врожденное достоинство аристократии, уже при Солоне отесняется навязанной «добродетелью» правового государства — справедливостью. «Ионийский» полис своим правовым догматическим мышлением вносит некий организационный принцип новой ответственности: его власть над индивидом стала основываться на явно выраженном идеальном характере полисного мышления. Само государство представлялось духовным существом, впитавшим в себя высшее содержание человеческого бытия: наряду с частной и обыденной жизнью в своем политическом космосе оно как бы давало человеку его «второе существование».

Закон — теперь сама душа полиса. «Народ должен сражаться за попираемый закон, как за стены города» (Гераклит). У невидимого города свой оплот: Анаксимандр переносит представление о «дикее» из сферы социальной жизни полиса на природу, объясняя становление и гибель вещей как «правовой спор», при котором они должны возмещать друг другу ущерб за свою несправедливость по приговору времени. Само понятие «космос» первоначально означало именно правовой порядок государства и любого сообщества¹⁶.

«Арте», или совершенство живого существа, подобно государству, возникает отнюдь не случайно, а как следствие правильного порядка. Любое существо становится хорошим, когда в нем реализуется присущий ему внутренний порядок (Платон первым употребляет слово «космос» для определения порядка души). На правильных действиях основывается всякое благополучие: «Мудрые люди понимают, что земля и небо, люди и боги тяготеют к дружбе и сообществу, и для этого необходимы дисциплина и самоограничение. Поэтому вселенная и называется космосом или порядком» (Платон).

Настоящая задача политика — подчинять свою деятельность некоему боже-

ственному принципу, некоей общей идее. Политика должна стремиться к определенной форме и порядку, от которых зависит само ее совершенство: подобно току, как в человеческом теле существует собственный порядок, космос, так и в человеческой душе должен существовать свой космос. Его и называют «законом», он определяется справедливостью, самообладанием, добродетелью: государственный деятель и оратор непременно должны руководствоваться им (Платон).

Если душа — центр человеческого существа, то космос — безграничное единение, их отождествление порождает основной парадокс полисного мышления, который разрешался посредством переноса знания с содержания на структуру: порядок, как учреждающий акт, процесс и структура, был по-настоящему тождествен как отдельной душе-монаде, так и государству-космосу. Порядок или закон своим императивным действием подчинял дистрибутивность космического содержимого единому началу.

Платон (и за ним Аристотель) ввел представление о законодательствовании как о действии, свойственном всякому политическому: законодательство стало «выступать в сосредоточии рассмотрения, подобно приведению решений в исполнение», тем самым формируя живое «пространство явления» (Х. Арндт). Деятельность становится сущностью политического: государство уже не ограничивается только географической локализацией, но представляет собой организационную структуру своего населения так, как она складывается во взаимном действии и говорении¹⁷: Полис — это по сути полюс, т.е. место, центр, вокруг которого вращается все, что появляется перед греками, как некая суть, вокруг него обращаются все сути. Ведь полюс не создает, не творит суть в его бытии, но, являясь полюсом, предстает как средоточие несокрытости сущего в целом. Полис же есть также еще и сущность места, но это — не город, не государство и не пресловутое город-государство, но «местность места истории греков», средоточие самой их сущности. Греческому полису, как кажется, сущность власти вообще чужда, поэтому и характеристика власти, как злой и демонической, здесь просто беспочвенна, — полагал М. Хайдеггер¹⁸.

¹⁵ Уэст Д. Континентальная философия. М., 2015. С. 200–201.

¹⁶ У Гераклита космос — это обобщенный образ действительности с приливами, отливами становления и гибели, некая неисчерпаемая перспектива.

¹⁷ См.: Арндт Х. *Vita activiva*, или О деятельной жизни. СПб., 2000. С. 258–263.

¹⁸ См.: Хайдеггер М. Парменид. С. 199–209.

Центром полиса всегда оставались миф и культ. Только тот, кто в воображении и мысленно подходит к государству не «сферично, а плоско-линейно», видит в нем лишь простое объединение людей (а не живое тело с органами)... Поэтому вполне логично началом-принципом подобной плоской структуры и является «декларация прав человека», а идеей сферической конструкции — провозглашение всеислия государства, его главного носителя или создателя, номоса или даже самого Бога».

Окончательное же освобождение индивида в перспективе угрожает одновременно и полюсу, и полису: поэтому божественное через духовное должно насколько можно удерживать в узде более низкое, — об этом уже заботились Солон и Ликург¹⁹. И в этом заключалась «суть катехона».

Миф же никогда не отличал физический порядок от морального или социального, желаемую регулярность, идущую от подчинения закону, от природной регулярности. Фемида, богиня справедливости, одновременно является и матерью Дике, предваряющей как моральный, так и физический закон: на это совпадение указывает тождество нравов и нравственности, правило в смысле постоянства и правило в смысле повеления, универсальность фактическая и универсальность

правовая. Слово «порядок» одновременно означает и устройство, и командование. Запреты, охраняющие порядок, сначала «запускаются как таковые», но это — уже больше, чем просто формулы, это — настоящее сопротивление, давление, натиск: «Но божество, запрещающее и замаскированное этими запретами, появится лишь позднее, по мере работы мифотворческой функции»²⁰.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 43.
2. Арндт Х. *Vita activa*. М., 2004. С. 262–263.
3. Арндт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. СПб., 2000. С. 258–263.
4. Бергорн А. Два источника морали и религии. М., 1994. С. 133–135.
5. Видаль-Накэ П. Черный охотник. М., 2001. С. 278–280.
6. Глухов А. Перехлест волны. М., 2014. С. 293–294.
7. Йегер В. Пайдейя. М., 1997. Т. 2. С. 182–183.
8. Ницше Ф. Греческое государство // *Философская проза*. Минск, 2000. С. 29–31.
9. Радбрук Г. *Философия права*. М., 2004. С. 96.
10. Уэст Д. *Континентальная философия*. М., 2015. С. 200–201.
11. Фуко М. *Безопасность, территория, население*. СПб., 2011. С. 41–42.
12. Хайдеггер М. *Парменид*. СПб., 2009. С. 208–209.
13. Штраус Л. *О тирании*. СПб., 2006. С. 245.

¹⁹ См. анализ работы Э. Зелена у Манецкий М. Спор о Платоне. М., 2012. С. 130–131.

²⁰ Бергорн А. Два источника морали и религии. М., 1994. С. 133–135.

Расцвет и падение средневековой сербской государственности

*Серегин Андрей Викторович,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Южного федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
andrei-seregin@rambler.ru*

Статья посвящена исследованию процессов становления средневекового сербского государства. Автор приходит к выводу, что соборная государственность сербов позволяла гармонизировать интересы феодальной знати, церкви и королевской власти. Вместе с тем перевес аристократического начала привел к удельному распаду единой державы, потерявшей независимость в результате турецкого завоевания в XIV столетия.

Ключевые слова: сербы, славяне, король, государство, Средневековье.

Rise and Fall of the Medieval Serbian State

*Seregin Andrey V.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Southern Federal University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article is devoted to research of processes of formation of the medieval Serbian state. The author comes to the conclusion that the Cathedral statehood of the Serbs allowed them to harmonize the interests of the feudal nobility, the Church and Royal power. However, the preponderance of the aristocratic beginning resulted in specific decay of a single power, lost their independence after the Turkish conquest of the XIV century.

Key words: serbs, slavs, king, state, middle age.

Вопрос о генезисе древнесербской государственности в историко-юридической науке является достаточно дискуссионным.

Вместе с тем имеются полуполюгендарные свидетельства о том, что в VII в. на Балканы, вслед за хорватами, пришли их соседи и близкие соплеменники — сербы, обитавшие в Восточной Галиции, между Верхней Вислой и истоками Днепра и Прута. Византийские источники отмечают, что на Балканы сербы пришли в VII в. вслед за хорватами с территории Восточной Галиции. Древнее предание сербов сообщает, что в их закарпатском отечестве после смерти вождя власть досталась двум его сыновьям: один брат остался дома, а другой, взяв с собой половину народа, отправился за Дунай. Византийский император Ираклий отвел им жилища в Солунской области, но земля эта им не понравилась, и они решили вернуться домой. Владыка Цареграда отпустил их, но как только они перешли за Дунай, сербы решили вернуться и попросить у империи новых земель. Ромейский правитель разрешил занять Иллирик, опустошенный аварами¹. Случилось так, что, как в древ-

ней своей родине сербы жили на восток от хорватов, так же они поселились и на новых землях. Владения их простирались от р. Вербисы до Дардании, на юг; обогнув Хорватию, они заняли побережье Адриатического моря до города Драча².

Вероятнее всего, это не первое переселение славяно-сербских племен на Балканы и Дунай. В 1864 г. Ионис Зонар предположил, что сербская государственность возникла не позже середины III в. до н.э. и просуществовала до 168 г. н.э., когда ее уничтожили римские легионы³. Чешский академик, знаменитый славист Любомир Нидерле начало славянской колонизации Балканского полуострова относил к I–II вв. н.э.⁴. Эту концепцию подтверждают древнейшие памятники письменности на земле, найденные югославскими архелогамы в пригороде Бел-

¹ См.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 31–32.

² См.: Де-Витте Е. Чтения по истории славянъ. Балтийские Славяне. Хорваты. Сербь. Хорутане. Болгары. Велико-Моравия. Чехия. Польша. Русь. Ковно, 1886. С. 74–75.

³ См.: Zonaral J. Historica Annulum, Patrologiae, Magna. Paris, 1864. P. 690.

⁴ См.: Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 50–51.

града — Банице и Винчи. Данные образцы относятся к V тысячелетию до н.э. и именуется докириллическим письмом (србицей)⁵.

Профессор Й. Деретич определил территориальные границы античного сербского государства в рамках современных Албании, Черногории, Метохии, Далмации, Боснии и Герцеговины, а также ряда других регионов западной части Балкан⁶. В своей работе «Античная Сербия» он приводит малоизвестный, но исторически подтвержденный факт о том, что царь Филипп Великий (382–336 гг. до н.э.), отец Александра Македонского, в юные годы учился военному делу у г. Будва (современная Черногория), в которой правил царь Вардила⁷.

Предположительно древние сербы и даки составляли две ветви единого славянского этноса⁸.

Й. Деретич определил точную дату возникновения раннефеодального сербского государства — 490 г. н.э. и установил первые три династии, правившие до второй половины IX в.:

- Свевладовичи (490–641 гг.);
- Светомировичи (641–794 гг.);
- Оштровичовичи (794–865 гг.)⁹.

У концепции античных и раннесредневековых корней сербской государственности имеются весомые аргументы. Так, в Малой Азии в г. Ксантосе обнаружены законы (примерно VIII–VI вв. до н.э.), выбитые на каменном столбе и записанные србицей¹⁰. В работе Р. Новаковича «Карпатские и ликийские

сербы» со ссылкой на Британскую энциклопедию говорится о крещении Сербии в 414 г. епископом Никитой из Ремизианы (Белая Планка)¹¹. Опираясь на эти факты, В.И. Ермолович пришел к выводу, что уже к V в. н.э. начался процесс сербского этногенеза¹².

У сербских племен формирование классовых отношений складывалось медленнее, чем в соседних землях. Немаловажную роль в этом сыграли природные условия. Гористый рельеф поддерживал разобщенность жуп (объединений нескольких сельских общин), способствовал консервации родовых пережитков, часть из которых в глухих горных районах уцелела вплоть до XX в. Примечательно, но некрещенные сербы и хорваты именовали себя соответственно «белыми сербами» и «белыми хорватами»¹³. Язык этих славян весьма близок к наречию русинов, малороссов (украинцев) и белорусов. Поэтому не случайно писал Мавро Орбини, что древняя прародина сербского народа (или руссов) находится у берегов Метийского озера (современного Азовского моря)¹⁴.

Кроме того, при избрании на соборе 1377 г. великого князя Лазаря сербским королем отмечалось, что он помазуется на королевство «**расийское**»¹⁵.

На протяжении VIII и последующих веков возникали княжества в Дукле (будущей Черногории), Боснии и других землях. Медленный, но неуклонный хозяйственный и социальный подъем центральной сербской

⁵ См.: Пешић Р. Винчанское письмо. Београд, Милано, 1995. С. 126; Бајић Ј. Блажену Јероним, Солинска црква и Србо-Далмати. Шабац, 2003. С. 50; Ермолович В.И. Источники и историография государства и права Сербии VI–XIV вв. (современный взгляд на древнюю и средневековую сербскую историю) // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 2. / редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2007. С. 127.

⁶ См.: Деретић Ј. Античка Срби. Београд, 2000. С. 241–243.

⁷ См. там же.

⁸ См.: Витушко В.А., Ермолович В.И., Зорченко Е.А. Югославия: история и современность // Весн. Берларус. дзярж. экан. ун-та, 2000. № 4. С. 77.

⁹ См. там же.

¹⁰ См.: Ермолович В.И. Источники и историография государства и права Сербии VI–XIV вв. (современный взгляд на древнюю и средневековую сербскую историю) // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 2. / редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск, 2007. С. 128.

¹¹ См.: Новаковић Р. Карпатски и ликијски Срби. Београд, 1997. С. 41–42.

¹² См.: Ермолович В.И. Источники и историография государства и права Сербии VI–XIV вв. (современный взгляд на древнюю и средневековую сербскую историю) // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 2. / редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2007. С. 128.

¹³ См.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 31; Шафарик П.И. Славянскія древности. Часть историческая. Томъ II. Книга I-я / пер. чешскаго О. Бодянского. М., 1847. С. 392.

¹⁴ Орбини Мавро. Книга историография початия имене славы и расширения народа славянского и их царей и владетелей под многими именами и со многими Царствами, королевствами и Провинциями / Репринтное издание 1722 г. Предисловие С.Н. Удаловой. М., 2010. С. 36, 56.

¹⁵ См.: Дьячан В. Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ до измененій ихъ государственнаго устройства въ XIV и XV вв. Варшава, 1882. С. 144.

области **Рашки (или Расии)** со столицей в городе **Расе** (место, где живут расичи) позволил ей преодолеть внутренние центробежные тенденции и занять место политического лидера¹⁶.

Не случайно Константин Багрянородный особое внимание уделил сербам (пять глав сочинения, самая обширная из которых отведена истории Рашки). В историографии высказывается мнение, что автор помимо прочих источников располагал сербской летописью (уничтоженной в процессе христианизации балканских славян). Это и позволило написать ему главу, из которой вырисовывается генеалогическое древо первой известной в истории династии, правившей Рашкой на протяжении ста лет — с середины IX по середину X в.¹⁷

Властимир условно считается основателем первой рашской династии. Хотя Константин и называет имена его предшественников, но не сообщает о них конкретных сведений.

В правление Властимира и его троих сыновей, разделивших между собой страну, сербы дважды отразили поход болгар (вначале — войск хана Пресиана, затем — Бориса). В результате последнего столкновения был заключен договор, условия которого подробно описаны Константином (за этим последовал неудачный болгарский поход в Хорватию). Однако между братьями началась борьба, и вышедший победителем Мунтимир отослал пленных братьев в Болгарию. Перед кончиной князь передал престол одному из своих сыновей — Прибиславу, но уже через год (893 или 894 г.) тот был свергнут двоюродным братом, явившимся из Хорватии¹⁸. В этот период Византии удалось выдавить латинских священников с территории Сербии, установив каноническую власть константинопольского патриарха¹⁹.

Новый князь, Петр Гойникович, правил более двадцати лет. Он был современником болгарского царя Симеона, с которым

некоторое время поддерживал мирные отношения и даже «покумился». Ему удалось отразить две попытки двоюродных братьев (Брана из Хорватии и Клонимира из Болгарии) завладеть престолом. Конец правления Петра связан со знаменательными событиями.

Прежде всего, приблизительно в это время наступил кульминационный момент политического возвышения Болгарии — знаменитая битва при Ахелое (917 г.). Этим воспользовался некий архонт Михаил — представитель знатного сербского рода (Константин Багрянородный называет его «патрикием» и наделяет еще одним из византийских титулов, весьма высоких). Правивший приморской областью Захумье, он «возревновал» к Петру и донес царю Симеону, будто рашский князь вступил в контакт с Византией. Симеон предпринял поход, в результате которого Петр был захвачен в плен, где и скончался, а его племянник Павел стал князем.

С этого времени наступил период смут, когда Византия и Болгария по очереди пытались утвердить на рашском престоле своего ставленника. В конце концов, на сцене появился Часлав Клонимирович. Вначале он выступал как болгарская креатура, однако после кончины Симеона 927 г. сумел достичь независимого положения и примерно четверть века правил сербскими и боснийскими землями²⁰.

Константин Багрянородный отзываясь о нем сдержанно, но не отрицательно и, завершая свое повествование о рашских сербах, не упускает случая заявить, что они никогда не зависели от болгарского архонта, но были «*рабами императора ромеев*»²¹.

С середины 960-х годов наступает новый этап в истории сербских земель. После кончины Часлава его держава распалась, и входившие в ее состав территории оказались на несколько десятилетий под властью царя Самуила, который распространил свое владычество вплоть до Адриатического побережья. Именно поэтому некоторые историки для обозначения возникшего государства используют название **Самуилова держава**.

Самуил объединил под своей властью почти все земли, которыми владела Болгария при царе Симеоне (кроме Северной

¹⁶ См.: Шафарик П.И. Славянскія древности. Часть историческая. Томъ I. Книга I-я: пер. съ чешскаго О. Бодянскаго. М., 1847. С. 412.

¹⁷ См.: История государства и права славянских народов: учеб. пособие / авт.-сост. И.Н. Кузнецов. М., 2004. С. 482.

¹⁸ См. там же.

¹⁹ См.: Živković T. On the Baptism of the Serbs and Croats in the Time of Basil I (867–886) // Петербургские славянские и балканские исследования. 2013. № 1. Январь — Июнь. С. 49.

²⁰ См.: История государства и права славянских народов. С. 483.

²¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 33.

Фракии), а также Фессалию (на юге), Рашку и приморские сербские земли. Последние, однако, пользовались большой самостоятельностью²².

После трагического завершения битвы при Беласице и кончины Самуила все его владения оказались в составе Византийской империи (1018 г.). С той поры центр политической жизни сербских земель на время перемещается в приморские области, т.е. на территорию нынешней Черногории, называвшейся Дукля или Зета.

В результате антивизантийского восстания под предводительством Петра Деляна (1040 г.) дуклянский правитель получил возможность несколько эмансипироваться, а ко времени второго крупного восстания (1072 г. под предводительством Георгия Войтеха) дуклянский князь Михаил приобрел такой политический вес, что повстанцы просили его помощи, каковая и была оказана. В 1077 г. князь Михаил получил от папы Григория VII право на королевский титул. Отсюда ведет начало история Дуклянского королевства (или Зетской державы). Следует отметить, что политика Григория VII в отношении славянских стран отличалась особой активностью: с его именем связано признание королевских титулов за тремя монархами — Димитрием-Звонимиром, Болеславом II (польским) и Михаилом Зетским.

После кончины Бодина (ок. 1101 г. н.э.), на время объединившего под своей властью приморские и континентальные сербские земли, Зетская держава распалась, и входившие в ее состав земли вновь стали добычей Византийской империи²³.

В 60-х годы XII в., в княжение великого жупана Стефана Немани (1168–1196 гг.)²⁴, Рашка сбросила зависимость от Константинополя²⁵. Рост международного веса Сербского государства привел к тому, что великий жупан, сын Немани Стефан Первовенчаный, в 1217 г. благодаря ловкой политической игре своего дяди архиепископа

Саввы, получил от Папы римского королевский титул. В споре с православной церковью понтифик латинской ветви христианства пытался перетянуть сербов на свою сторону. После Стефана Первовенчанного на сербском престоле побывали два его сына от первого брака²⁶ (Радослав и Владислав²⁷), но удержать власть в своих руках им не удалось. Затем трон оказался в руках третьего сына, рожденного от второй жены (Анны Дондолы — внучки венецианского дожа — Энрике Дондолы), — Урошу (1237–1272 гг.). У этого правителя было два сына: Драгутин и Милутин. Первому из них он обещал престол. Видя, что отец не исполняет своего обещания, Драгутин прогнал его с помощью войск угорского (венгерского) короля, с которым он находился в родственных отношениях, так как был женат на его дочери. Но Драгутин управлял Сербией только три года: физическая и нравственная болезнь заставили его передать верховную власть младшему брату Милутину (1275–1321 гг.)²⁸. Междоусобные войны и беспорядки при Драгутине сильно ослабили Сербию, так что при вступлении на престол Милутина византийский император задумал занять всю Сербию, а ее правителя — Милутина обратить в своего покорного раба. Сербско-византийская война продолжалась два десятилетия, пока император Андроник Старший благодаря политическому браку не стал тестем Милутина. С этого времени Милутин становится союзником Византии и помышляет даже о соединении с нею Сербии в одну империю. План Милутина встретил противодействие в самой Сербии: в Зете против Милутина вспыхнуло восстание, во главе которого был его незаконный сын Стефан²⁹.

Восстание подавили, Стефана схватили, ослепили и отправили в Константинополь.

Вместе с тем соединение Сербии и Византии не состоялось. К концу своей жизни Милутин примирился с сыном и принял

²² История государства и права славянских народов. С. 483.

²³ См.: Там же. С. 484.

²⁴ См.: Аргучинцев Г.К. История государства и права славянских народов : курс лекций для студентов специальности «Правоведение». Минск, 2006. С. 31.

²⁵ См.: Тарановски Т.В. Историја српског права у Немањинској држави. Београд: Службени лист СРЈ, 1996. С. 12.

²⁶ Первая жена Стефана Первовенчанного — Евдокия Ангелине — младшая дочь византийского императора Алексея Ангела и Ефросиньи Дукины Каматерины.

²⁷ Третий сын от первого брака Стефана Первовенчанного — Предислав стал сербским архиепископом под именем Савва II.

²⁸ См.: Дьячан В. Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменений их государственного устройства в XIV и XV вв. Варшава, 1882. С. 129–130.

²⁹ См.: Там же. С. 130.

его снова в Сербии. После смерти Милутина сербская партия окончательно одержала верх устранением Константина, стоявшего за соединение с Византией, и возведением на престол Стефана, который окончательно разрушил планы о соединении. Сделавшись королем сербским, Стефан (1321–1336 гг.) венчал вместе с собою своего старшего сына Душана, которому дал в управление Зету. Победа сербов в 1330 г. при Стефане над болгарскими племенами дала Сербии первенство над всеми южнославянскими племенами. Уже будучи в преклонных летах, и Стефан, подобно своему отцу Милутину, задумал соединение Сербии с Византией. И против него началось восстание, на этот раз удавшееся: Стефана задушили в Звечане. После этого в 1336 г. Стефан Душан вступил на престол Сербии и был венчан в короли в своем дворце в Свечине.

Став обширным государством, Сербия достигла максимального расцвета при Стефане Душане (1331–1355 гг.), который присвоил себе пышный титул «короля Сербия, Дукли, Хума, Зеты, Албании и Приморья, владетеля немалой части Болгарского царства и господина почти всей Византийской империи» (последнее напоминало о том, что у Византии были отняты Южная Македония, Фессалия, Эпир). В 1346 г. Стафан Душан венчался на царство.

Для политического строя Сербии характерно, что собор — съезд церковной и светской знати — продолжал функционировать и царь вынужден был обращаться к нему при решении важных дел. На собор приглашались главным образом представители высшего духовенства и люди служажие (властели), занимающие различные должности. Иногда в совещаниях участвовали и женщины, например жена Стефана Немани. Как правило, соборы созывались правителями сербского народа, архиепископами и патриархами.

Основными прерогативами сербских соборов являлись:

- а) участие в процедуре венчания на престол нового правителя;
- б) избрание архиепископа и его посвящение;
- в) издание нового закона;
- г) избрание правителей Сербии;
- д) дача согласия королю на пожалование земель и издание хрисовулов;
- е) решение церковных вопросов³⁰.

³⁰ См.: Дьячан В. Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменений

Соборная государственность средневековой Сербии оптимально гармонизировала интересы властителей, церкви и королевской власти. Но примат аристократического начала над демократическим при расширении феодальных иммунитетов крупных землевладельцев привел к ускорению процессов децентрализации.

После смерти Стефана Душана его держава стала распадаться на уделы. Аналогичное положение сложилось и в других частях Балканского полуострова. Турки-османы, которые с середины XIV в. утвердились в отнятой у византийцев Фракии, не замедлили воспользоваться этими обстоятельствами. В сражении на Косовом поле в 1389 г. сербы после героического сопротивления были разбиты турками. Вслед за тем наступила очередь Болгарии. В 1396 г. пала последняя болгарская крепость. В XV в. турецкое владычество было упрочено в Болгарии и Сербии и распространено на соседние области. Так южные славяне подпали под многовековое османское иго, которое будет сброшено с помощью русского народа лишь в XIX в.

Литература

1. Аргучинцев Г.К. История государства и права славянских народов: курс лекций для студентов специальности «Правоведение». Минск, 2006.
2. Витушко В.А., Ермолович В.И., Зорченко Е.А. Югославия: история и современность // Весн. Берларус. дзярж. экан. ун-та, 2000. № 4.
3. Де-Витте Е. Чтения по истории славян. Балтийские Славяне. Хорваты. Сербия. Хорутане. Болгары. Велико-Моравия. Чехия. Польша. Русь. Ковно, 1886.
4. Деретић Ј. Античка Срби. Београд, 2000.
5. Дьячан В. Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменений их государственного устройства в XIV и XV вв. Варшава, 1882.
6. Ермолович В.И. Источники и историография государства и права Сербии VI–XIV вв. (современный взгляд на древнюю и средневековую сербскую историю) // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 2. / редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск, 2007.
7. История государства и права славянских народов: учеб. пособие / авт.-сост. И.Н. Кузнецов. М., 2004.
8. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
9. Новаковић Р. Карпатски и ликијски Срби. Београд, 1997.

их государственного устройства в XIV и XV вв. С. 156–163.

10. Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
11. Орбини Мавро. Книга историография початия имене славы и расширения народа славянского и их царей и владетелей под многими именами и со многими Царствами, королевствами и Провинциями / Репринтное издание 1722 г. Предисловие С.Н. Удаловой. М., 2010.
12. Пешић Р. Винчанское письмо. Београд, Милано, 1995. С. 126; Бајић Ј. Блажени Јероним, Солинска црква и Србо-Далмати. Шабац, 2003.
13. Тарановски Т.В. Историја српског права у Немањинској држави. Београд: Службени лист СРЈ, 1996.
14. Шафарик П.И. Славянскія древности. Часть историческая. Томъ II. Книга I-я. — переводъ съ чешскаго О. Бодянскаго. М., 1847.
15. Zonara J. Historica Annulum, Patrologiae, Magna. Paris, 1864.
16. Živković T. On the Baptism of the Serbs and Croats in the Time of Basil I (867–886) // Петербургские славянские и балканские исследования, 2013. № 1. Январь — Июнь.

Учение Ивана Александровича Ильина о правосознании, ответственности и наказании (к 70-летию выхода в свет работы И.А. Ильина «О сущности правосознания»)

*Иванников Андрей Иванович,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
Южного федерального университета
Ivannikov9393@mail.ru*

Статья посвящена учению И.А. Ильина о правосознании, наказании и ответственности, решению проблемы уголовной вины и наказания. Делается вывод, что И.А. Ильина можно отнести к тем мыслителям, которые считали, что целью наказания должно быть исправление преступника, что месть и возмездие противоречат нравственному закону. Наказание должно быть тем сильнее, чем больше противоправное поведение виновного отклонялось от цели права.

Ключевые слова: И.А. Ильин, правосознание, сущность правосознания, наказание, ответственность.

The Teaching of Ivan A. Ilyin on the Legal Awareness, Responsibility and Punishment (to the 70th Anniversary of the Publication of the Work of Ivan A. Ilyin “On the Essence of Legal Awareness”)

*Ivannikov Andrey I.,
Postgraduate Student of the Department of Theory and History
of State and Law
of the Southern Federal University*

The article is devoted to the teaching of I.A. Ilyin of justice, punishment and responsibility, the problem of criminal guilt and punishment. It is concluded that I.A. Ilyin can be attributed to those thinkers who believed that the purpose of punishment should be correcting the offender, revenge and retribution are contrary to the moral law. The punishment should be the stronger, the more guilty wrongful conduct deviated from the right end.

Key words: I.A. Ilyin, sense of justice, the essence of justice, punishment, responsibility.

Выдающийся русский правовед, философ, литературовед и культуролог Иван Александрович Ильин (28 марта 1883 г. — 21 декабря 1954 г.) родился в семье дворянина Александра Николаевича Ильина и Екатерины Юльевны Ильиной (урожден-

ной Швейкерт)¹. В 1901 г. он окончил первую Московскую гимназию с золотой медалью и

¹ Лисица Ю.Т. Иван Александрович Ильин. Историко-биографический очерк. В кн.: Ильин И.А. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 1. М. : Русская книга. 1996. С. 5.

был принят на юридический факультет Московского университета. В то время на юридическом факультете работали известные в России профессора П.И. Новгородцев и Е.И. Трубецкой, которые оказали влияние на формирование его мировоззрения. В 1906 г. И.А. Ильин окончил юридический факультет и по рекомендации Е.Н. Трубецкого был оставлен при университете. В 1909 г. И.А. Ильин становится магистром государственного права и приват-доцентом юридического факультета Московского университета.

С 1910 по 1912 г. он с женой Наталией Николаевной Ильиной (урожденной Вокач) находился в научной командировке в Европе. Они посетили университеты Германии, Италии и Франции, а также побывали в Швейцарии и Великобритании. Зарубежная командировка сопровождалась знакомствами с известными учеными Западной Европы, в том числе с основателем феноменологии философом Эдмундом Гуссерлем.

В 1910 г. И.А. Ильин публикует свою первую научную статью в журнале «Вопросы философии и психологии» под названием «Понятия права и силы (опыт методологического анализа)», которая в 2012 г. была опубликована в Германии на немецком языке.

После Февральской революции 1917 г. И.А. Ильин опубликовал брошюру «Порядок и беспорядок», в которой содержалась идея о том, что в государстве отсутствие законов и их неисполнение являются бедствием для народа. Лучше иметь плохие законы, чем жить без законов. С 1919 г. И.А. Ильин начал работать над проблемой правосознания. Итогом этой работы был труд «Учение о правосознании». Но в Советской России возможности издать эту работу не было.

Октябрьскую революцию И.А. Ильин не принял. Когда в сентябре 1922 г. он был арестован в шестой раз, на допросе его спросили о том, какими он видит задачи интеллигенции в России. На этот вопрос И.А. Ильин ответил: «Задача интеллигенции воспитать в себе новое мировоззрение и правосознание и научить ему других; задача старой русской общественности — понять свою несостоятельность и начать быть по-новому». На вопрос об его отношении к коммунистической партии в России он ответил, что глубоко убежден в том, что эта партия «вредит себе, своему делу, своей власти и России»².

² Там же. С. 25.

После этого допроса И.А. Ильин вынужден был покинуть Советскую Россию и уже с октября 1922 г. стал проживать с женой в Берлине.

Он продолжал работать над проблемой правосознания. Итогом этой работы был труд «Учение о правосознании», текст которого он совершенствовал до конца своих дней. Иногда он выступал с речами, писал статьи, в которых поднимал проблему правосознания. Он рассуждал о правосознании в целом, но еще больше о монархическом правосознании русского народа. В конечном варианте исследование получило название «О сущности правосознания». При жизни ученого его труд не был опубликован. Работа «О сущности правосознания» была издана уже после его смерти женой в Мюнхене в 1956 г. в типографии Иова Почаевского.

Первая глава книги (под названием «Проблема») во многом повторяла его публичную речь, которую он произнес на открытии Русского научного института в Берлине 17 февраля 1923 г.

В своей работе И.А. Ильин отмечал, что «невозможно устроить мир материи, не устроив мир души, ибо душа есть необходимое творческое орудие мироустройства»³.

И.А. Ильин писал, что каждому народу необходимо знать законы своего государства. Правосознание народа находится в прямой зависимости от правосознания ученых-юристов. «Народное правосознание может стоять на высоте только там, — отмечал И.А. Ильин, — где на высоте стоит юридическая наука»⁴. Где юридическая наука на службе у государственной власти и продажа, там утрачивается уважение к праву. По мнению И.А. Ильина, право должно быть доступно народу. Он предлагал читать курсы правосознания для студентов всех факультетов. Изучение права и государства должно способствовать формированию государственного правосознания у молодого поколения. И.А. Ильин отмечал, что государство «есть духовный союз людей, обладающих зрелым правосознанием и властно утверждающих естественное право в братском, солидарном сотрудничестве»⁵. Он подчеркивал, что в идеале государства есть корпорация, а в действительности оно

³ Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собрание сочинений : в 10 томах. Т. 4. М. : Русская книга, 1994. С. 152.

⁴ Там же. С. 168.

⁵ Там же. С. 276.

является учреждением, но историческая форма государства не может быть ни учреждением, ни корпорацией. И.А. Ильин был сторонником монархической формы правления. В его понимании государственная власть не может осуществляться всем народом. По его мнению, не может быть единой формы государства для всех времен и народов мира. Нет единой лучшей формы государства на все времена. Государственная власть должна быть сильной. Он отмечал: «Государство со слабой властью не жизнеспособно. Ослабление и расшатывание власти есть умерщвление государства»⁶.

В работе «О сущности правосознания» И.А. Ильин рассмотрел проблемы понятия права, признания права, основные понятия о положительном и естественном праве, о государственном правосознании, взаимосвязи правосознания и формы государства, правосознания и религиозности, а также попытался решить сложнейшую проблему правосудия в главе «Правосознание и уголовная вина».

И.А. Ильин отмечал, что решение проблемы уголовной вины и наказания возможно только на основе учения о правосознании. Он писал, что виновность или невиновность лица устанавливается судом и зависит от отношения его к цели права и к праву. «Уголовное наказание имеет и только может иметь одно-единственное назначение: *принудительное воспитание правосознания*»⁷. При принудительном воспитании правосознания наказание не носит позорящий характер, отвергаются все меры возмездия. И.А. Ильин выделяет такие виды правосознания, как повинующееся и преступающее. Повинующееся правосознание свойственно законопослушным людям, а преступающее — правонарушителям, преступникам. В силу этого повинующееся правосознание можно считать нормальным, здоровым и верным. Оно могло быть каким-либо видом государственного правосознания. Государственное правосознание — это государственный образ мысли, который не сводился к знанию о том, что такое государство, но с познания этого явления оно может формироваться. Преступающее правосознание можно отнести к большему правосознанию, которое нуждается в лечении,

принудительном исправлении. И.А. Ильин писал, что «термин «виновности» квалифицирует состояние преступившей воли в момент совершения запретного деяния»⁸. Как известно, устрашение наказанием существует в обществе с древнейших времен. Устрашение наказанием сдерживало членов общества от нарушения социальных норм, чем опаснее для общества были поступки индивидов, тем суровее было наказание. Властвующие субъекты более суровое наказание выносили в отношении тех, кто посягал на их власть. За такие действия полагались жестокие пытки и казнь. Преступник и окружающие должны были страдать, испытывать страх. Цель наказания заключалась в уничтожении преступников и устрашении общества. В эпоху Просвещения начался процесс гуманизации наказания. Целью наказания провозглашалось исправление преступников. И.А. Ильин считал, что «в борьбе за естественное право и за достойную жизнь правосознание не видит себя покидающим пути Права даже тогда, когда решается нарушить тот или иной позитивный запрет»⁹. Ильин не разграничивает наказание и ответственность. Он считал, что наказание необходимо для сохранения общества и порядка в нем. И.А. Ильин не был сторонником теории устрашения преступников. С точки зрения теории устрашения надо было, чтобы страх наказания сдерживал потенциального преступника и всех других членов общества, граждан государства от нарушения правовых норм. И.А. Ильина можно отнести к тем мыслителям, которые считали, что целью наказания должно быть исправление преступника. В то же время вера в то, что возможно исправить правосознание путем воспитания, ближе к молодым правонарушителям. А как исправить правосознание взрослого человека, который совершил преступление? Месть и возмездие противоречат нравственному закону. В таком случае воздаяние должно быть по заслугам.

Наказание должно быть тем сильнее, чем больше противоправное поведение виновного отклонялось от цели права. Если конечная цель права есть правопорядок, то и поведение нарушителя правовых норм противоречит правопорядку.

⁶ Там же. С. 293.

⁷ Там же. С. 227.

⁸ Там же. С. 226.

⁹ Там же. С. 229.

В учении И.А. Ильина о правосознании большое внимание отводилось аксиомам правосознания: закону духовного достоинства, закону автономии и закону взаимного признания. Закон духовного достоинства свойственен всем лицам, обладающим политической дееспособностью. Люди и народ лишены чувства собственного достоинства, обречены на унижение. По закону автономии каждый человек должен управлять собой, своими действиями. Закон взаимного признания способствует формированию правоотношений, восстановлению правопорядка «*взаимное уважение и взаимное доверие* лежат в основе всякого правоотношения — и частного, и публичного; ими связываются и граждане друг с другом, и граждане с властью, и власть с гражданами. Вне этих форм взаимного признания правопорядок не может существовать, ибо с их исчезновением неизбежно исчезнет всякое *единение* и всякая *солидарность*»¹⁰. Взаимное уважение народа и государственной власти делают государство эффективным. Такой порядок взаимоотношений есть идеальное состояние правового государства. «Установить такое верное понимание правового и политического общения есть задача философии права: разрешить эту задачу — значит создать

¹⁰ Там же. С. 366.

учение о здоровом и верном правосознании»¹¹.

И.А. Ильин на основе учения о правосознании предложил более гуманное решение проблемы уголовного правосудия и наказания. Он предлагал перевоспитывать преступников путем исправления их правосознания, усилить работу по правовому воспитанию молодежи, чтобы формировать у них зрелое государственное правосознание. Уголовная политика, в его понимании, должна быть направлена на то, чтобы молодежи не назначали наказание в виде лишения свободы. В этом случае должно осуществляться принудительное правовое воспитание с целью устранения дефектов правосознания и повышения его уровня. Процесс повышения правосознания не должен представлять собой акт возмездия за совершенное правонарушение, а назначенное наказание должно строго соответствовать тяжести преступного деяния.

Литература

1. Лисица Ю.Т. Иван Александрович Ильин. Историко-биографический очерк. В кн.: Ильин И.А. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 1. М. : Русская книга, 1996.
2. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 1, 4. М. : Русская книга, 1994.

¹¹ Там же. С. 404.

Проблемы развития российской государственности в трудах Б.Н. Чичерина

*Сафонов Александр Александрович,
профессор кафедры теории и истории права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
доктор юридических наук, профессор
asafonov@hse.ru*

В статье анализируются воззрения выдающегося российского государствоведа Б.Н. Чичерина на право, свободу, либерализм, социализм, рассмотрены предлагаемые им модели реформирования российской государственности.

Ключевые слова: учение о государстве, философия права, Б.Н. Чичерин.

Problems of Development of the Russian Statehood in the Works of B.N. Chicherin

*Safonov Aleksandr A.,
Professor of the Department of Theory and History of Law
of the National Research University "Higher School of Economics",
Doctor of Law, Professor*

The author analyzes the views of prominent Russian state scientist B.N. Chicherin on the law, freedom, liberalism, socialism, the proposed models of the reform of the Russian state.

Key words: theory of the state, legal philosophy, B.N. Chicherin.

Российский государствовед, родоначальник юридической школы, историк и общественный деятель Борис Николаевич Чичерин по праву занимает ключевое место в истории политико-правовой мысли России второй половины XIX столетия. Современные исследователи причисляют Чичерина к умеренному течению в либерализме, считают его консервативным либералом или либеральным консервативным, отождествляя эти понятия.

Как представителя «старолиберальной» философии права, воззрения которого, будучи умеренными, вместе с тем заметно полевели в последние годы жизни, характеризует Чичерина американский историк русской философии польского происхождения Анджей Валицкий¹. Либеральным консервативным считали Чичерина российский историк либерализма К.Ф. Шаццлло и философ В.Ф. Пустарнаков². С.С. Секиринский

также указывал на особенное место Чичерина в русском либерализме пореформенного периода, порожденное той специальной ролью, которую он в нем играл, — роли «консерватора как по отношению к тем, кто... слишком забежал вперед, так и к тем, кто тянул Россию назад»³. На смешанный, сложносоставной характер мировоззрения мыслителя, в котором причудливо сочетались либеральная, консервативная и патриотическая идеи, указывает правовед В.А. Томсинов⁴. Как справедливо замечает философ И. Евлампиев, будучи видным представителем либеральной традиции в России, Чичерин критиковал классический западный либерализм за свойственное ему умаление значения государства. Либеральная теория мыслителя являла собой диалектическую комбинацию двух принципов: признание абсолютной ценности личности и ее свободы и утверждение необходимости сильного

¹ Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012. С. 135, 138.

² Цит. по: Гросул В.Я., Итенберг Б.С., Твардовская В.А., Шаццлло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 38 ; Пустарнаков В.Ф. Либеральный консерватизм и либерализм в России XIX — начала XX в.: различия и сходства //

Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001. 21.

³ Секиринский С.С. Борис Николаевич Чичерин // Российские либералы / под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. М., 2001. С. 94.

⁴ Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. М., 2007. Т. 1. С. 454–455.

государства, призванного разрешить проблемы, в отсутствие которых реализовать принципы свободы во всей ее полноте будет невозможно⁵.

Среди современников Б.Н. Чичерина его аттестация как «либерального консерватора или консервативного либерала» принадлежала Н.А. Бердяеву⁶. В либеральных кругах Б.Н. Чичерин, придерживавшийся идеологии реформ при сохранении сильной исторической власти, признавался даже охранителем. Так, по словам Н.И. Кареева, Чичерин был человеком «далеко не левого уклона, большим консерватором, который в своих воспоминаниях назвал московских профессоров социал-демократами»⁷.

Сам Чичерин считал себя представителем «спокойного и разумного либерализма», чуждого одновременно духу «упорной рутины» и поиску уличной популярности. Он подчеркивал, с одной стороны, свою приверженность ценности свободы, называя себя «разумным человеком, любящим свободу», а с другой — аттестовал себя как «сторонника охранительных начал», глубоко ощущавшего потребность во власти и порядке. Выступая в Московской городской думе, председателем которой он являлся с 1882 г., Б.Н. Чичерин так определял свое политическое кредо: «Не покидая созданной для нас почвы права, мы должны стараться соблюдать счастливую середину между старыми привычками безусловной покорности и новыми стремлениями к безотчетной оппозиции»⁸. Чичерин противопоставлял свой «охранительный либерализм» «либерализму уличному» и «либерализму оппозиционному». В основе этого идейного течения лежало стремление сочетать в себе два сложно сочетаемых принципа: идеи свободы и идеи порядка⁹.

Б.Н. Чичерин взялся объяснять обществу, что такое охранительные начала в его представлении, в самый разгар освободительных реформ в 1862 г.: «В руках консерваторов-рутинистов существующий порядок обречен на падение... Насилие производит раздражение или равнодушие. Поэтому в настоящее время дело первостепенной важности — возникновение в обществе независимых сил, которые бы поставили себе задачей охранение порядка и противодействие безрассудным требованиям и анархическому брожению умов. Только энергия разумного и либерального консерватизма может спасти русское общество от бесконечного шатания. Если эта энергия появится не только в правительстве, но и в самом народе, Россия может без опасения глядеть на свое будущее»¹⁰.

По своим философским воззрениям Чичерин являлся, как известно, последователем Гегеля. Чичерин различал государство и гражданское общество, характеризуя их как два разных союза: первый «представляет общество как единое целое, а другой заключает в себе совокупность частных отношений между членами», первый «управляется публичным, второй — частным правом». Чичерин понимал общество как «совокупность частных отношений между людьми, подчиняющимися общей политической власти», и считал его гражданским постольку, поскольку оно управлялось нормами частного права¹¹.

Политическим идеалом Б.Н. Чичерина в последние годы его жизни являлась конституционная монархия. Именно в ней он видел наилучшее воплощение идеи правового государства, достижение торжества индивидуальной свободы, являвшейся основой основ либеральной теории. Между тем преобразование российской государственности в конституционном направлении мыслитель связывал с реформами, проводимыми государственной властью. Заметное место в преобразованиях он отводил новому слою правительственных чиновников — либеральной или просвещенной бюрократии. Чичерин высказывал идею

разованности и общестственности (Речь, произнесенная в заседании Русского научного института в Белграде) // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С. 587.

¹⁰ Струве П.Б. Указ. соч. С. 589–590.

¹¹ Кареев Н.И. Указ. соч. С. 126–127.

⁵ Igor Yevlampiev. Man and mind in the philosophy of Boris N. Chicherin // Studies in East European Thought (2009) 61. P. 113.

⁶ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX в. // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 171.

⁷ Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 126.

⁸ Речь Б.Н. Чичерина в Московской городской думе. Цит. по: Медушевский А.Н. Чичерин Б.Н. // Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 612.

⁹ Новгородцев П.И. Б.Н. Чичерин // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С. 576; Струве П.Б. Б.Н. Чичерин и его место в истории русской об-

постепенного реформирования формы российского государства посредством реформ «сверху», ограничения монархической власти народным представительством, формирования гражданского общества и правового государства.

Теоретические основания для обновления формы правления стали содержанием работ Б.Н. Чичерина 1860–1870-х годов: «О народном представительстве» (1866 г.), «Конституционный вопрос в России» (1878 г.). В настоящей статье мы проанализируем идеологию реформ, высказанную государствоведом в последней обобщающей работе, изданной в 1900 г. за границей под псевдонимом «Русский патриот» и под названием «Россия накануне двадцатого столетия». Это было своего рода политическое завещание Б.Н. Чичерина, составленный им проект мирного обновления страны в духе умеренного либерализма, отразивший между тем радикализацию политических взглядов мыслителя на склоне своих лет.

Правовед, родившийся в 1838 г., являвшийся современником четырех царствований (годы его ученичества пришлось на правление Николая I, а завершал он свой жизненный путь уже при Николае II) и вступающий в XX в., обобщил в завершающем своем труде исторический путь, пройденный Российским государством в XIX столетии, представил суждение о возможных путях и перспективах развития России в XX столетии.

В основе теории Чичерина лежало представление, что Россия эволюционировала в направлении развития начал свободы и права, утверждения ценностей правового государства. XIX век Чичерин характеризовал как «поворотную точку в русской истории», когда на историческую сцену вышла общественность со своими отличными от власти нуждами и интересами. В течение предшествующих столетий «государство устраивалось под руководством самодержавной власти русских царей»; общество же только следовало за властью, подчиняясь ее велениям¹².

Начался XIX в. Наполеоновскими войнами. В ходе заграничных походов русские офицеры увидели воочию порядок вещей, в котором «свобода и право получали должное ограждение», сравнили его с тем, что

¹² Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С. 503.

они находили у себя на родине. Это осознание задавало вектор развитию государства и общества. Декабристы, как указывает Чичерин, восстали против законной верховной власти «не во имя иностранки, не имевшей малейшего права на престол» (аналогия с воцарением Екатерины II. — А.Т.), а во имя свободы и права. Они хотели водворить в своем отечестве порядок, положить конец всюду царствовавшему произволу, утвердить в стране законность и уважение к человеку. Однако возмущение гвардии было без труда подавлено, вслед за чем наступила суровая реакция¹³.

Время правления Николая I для Чичерина являлось эпохой, когда реакция была «проведена с железной последовательностью». «Всякое свободное выражение мысли, — по словам мыслителя, — подавлялось беспощадно. Цензура достигла до невероятных размеров. Несчастных цензоров сажали на гауптвахту за пропуск самых невинных статей... Неосторожное слово, запрещенная книга могли повлечь за собой ссылку в отдаленные губернии...»¹⁴

Сходный «чичеринскому» приговор николаевской системе правления был вынесен убежденным монархистом А. де Кюстином, приехавшим в Россию для того, чтобы убедиться, что идея монархии жива. Суть впечатлений Кюстина, сформулированных в книге «Россия в 1839 году», имевшей фантастический успех в Европе и переведенной практически на все европейские языки, была следующей: «Если сын ваш будет недоволен Францией, последуйте моему совету — скажите ему: «Поезжай в Россию». Такое путешествие пойдет на благо каждому европейцу; повидая своими глазами эту страну, всякий станет доволен жизнью в любом другом месте. Всегда полезно знать, что есть на свете государство, где нет никакого места счастью, — ведь человек, по закону природы своей, не может быть счастлив без свободы»¹⁵.

Вместе с тем даже в условиях николаевской реакции и деспотизма идеи свободы и права развивались. Чичерин замечал, что «никто в то время не мечтал о конституции, но все ожидали реформ»¹⁶. Реформы Александра II разрешили давно назревшие

¹³ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 504.

¹⁴ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 505.

¹⁵ Кюстин А. де. Россия в 1839 году : в 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 351.

¹⁶ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 506.

вопросы. В стране было отменено гражданское рабство, возник независимый суд, основанный на принципах публичности, гласности. Преобразования Александра II были, как выражался Чичерин, «наименьшим, что можно было дать русскому обществу»¹⁷. Оно бы, по его мнению, и справилось с ними, несмотря на быстроту перемен, если бы к этому не примешались явления другого порядка.

Чичерин видел основные пороки и опасности русской жизни, с одной стороны, в бюрократическом управлении и произволе монарха, а с другой стороны — в социалистической пропаганде и практике леворадикальных действий¹⁸. Маститый государствовед выступал последовательным критиком социализма. Это придавало ему в глазах более «левой» части русского образованного общества репутацию «отсталого человека». Ему же в идее социализма виделось посягательство на самое ценное достояние цивилизации — свободу личности.

Применительно к реалиям того времени критика Чичериным социалистической идеи была не во всем объективной, но в перспективе она оказалась провидческой. Развитие социалистических учений происходило во многих странах, однако, как полагал Чичерин, это был симптом, указывающий на внутреннюю болезнь. Развитию социалистических воззрений способствовала и правительственная политика: либерализм казался правительству опасным, а социализм, пока он проявлялся в теоретической форме, представлялся безвредным. Именно социалистическая идея, по мнению Чичерина, породила явления, которые открыли двери реакции¹⁹.

Закономерным ответом государства на народовольческий террор и убийство 1 марта 1881 г. русского императора явилась правительственная реакция. При Александре III стала производиться ломка созданных реформами его отца институтов, понятий и прав. Эта политика была аттестована Чичериным как «не менее опасная и деструктивная, чем то, чему она должна была противостоять».

¹⁷ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 509.

¹⁸ Борис Николаевич Чичерин: «В настоящее время в России потребны две вещи: либеральные меры и сильная власть» // *Российский либерализм: идеи и люди*. М., 2004. С. 107.

¹⁹ Чичерин Б.Н. *Россия накануне двадцатого столетия*. С. 510, 535.

Первые подвижки в реакционном направлении наблюдались еще при царе-реформаторе. Симптомы перемен к худшему Чичерин видел в отставке команды реформаторов, прежде всего Н.А. Милютина, С.С. Ланского. Главные деятели реформы по освобождению крестьян были удалены, и во главе управления были поставлены чистые бюрократы. В этом Чичерину виделась отчасти политическая мудрость: «Если выработка закона осуществлялась путем борьбы, то исполнение должно было совершаться путем примирения». Однако, чтобы действовать примирительно, нужно внушать доверие, а именно этого, по словам государствоведа, и не было. «Один из великих пороков самодержавной власти, — писал Б.Н. Чичерин, — состоит в том, что она склонна смотреть на людей как на простые орудия: что прикажут, то и будет сделано». Однако для разумного и плодотворного исполнения нужны были, как считал знаменитый мыслитель, «мысль и воля», «нравственный авторитет людей, стоявших во главе»²⁰.

Другая роковая ошибка правительственной партии состояла в отставке Александром III группировки либеральной бюрократии — М.Т. Лорис-Меликова и его соратников министров Д.А. Милютина и А.А. Абазы, возвращении к государственной деятельности в качестве министра внутренних дел в мае 1882 г. отставленного в свое время графа Д.А. Толстого. По отзыву Чичерина, это был «вызов, брошенный всему, что думало и чувствовало в России, всему, что питало в себе благородные помыслы и стремления. Правительство во всеулышание заявляло, что оно в обществе не нуждается и отныне будет опираться исключительно на... отребье бюрократических порядков»²¹.

В беседе с всесильным тогда обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым Чичерин внушал, что с одними бюрократическими силами правительство со своей задачей не справится: «Когда же я в грустные минуты размышляю о возможных последствиях недавнего переворота, то мне представляется война, банкротство и затем конституция, дарованная совершенно не-

²⁰ Там же. С. 511.

²¹ Цит. по: Секиринский С.С. Борис Николаевич Чичерин // *Российские либералы: сб. статей / под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева*. М., 2001. С. 108.

приготовленному к ней обществу»²². Чичерин предсказал тем самым обстоятельства и последствия крушения правительственной политики, основы которой закладывались в начале 1880-х годов.

Путь разрешения назревших противоречий виделся Чичерину в том, чтобы «увенчать здание», воздвигнутое императором Александром II, продолжить и завершить александровские реформы, «устроившие русское государство на новых для него началах свободы и права» и дававшие русскому обществу «возможность стать на свои ноги». За провозглашением гражданской свободы, по мнению Чичерина, должно было последовать утверждение свободы политической. По мере развития общества неограниченная монархия должна была «перейти в ограниченную»²³. В этом виделась Чичерину коренная цель наступившего двадцатого столетия.

К парламентскому правлению Чичерин считал Россию не готовой; оно требовало «политической опытности, образования, сложившихся партий». Чичерин выступал с проектом преобразования неограниченного самодержавия в «конституционный порядок, основанный на законе». Он высказывал идею реформирования Государственного совета путем включения в него выборов от губернских земств с правом обсуждения законов и бюджета. Рекомендовал наделить данный орган законодательными, а не только законосовещательными правами: «Необходимо, чтобы выборное собрание непременно было облечено правами. Совещательное собрание, мнению которого можно следовать или не следовать, всегда будет в руках правящей бюрократии, а чиновничеству может служить только вполне независимый орган, с решающим голосом в общественных делах. Только собранием, облеченным правами, может быть ограничена и самая воля монарха, а это и есть первое условие законного порядка». «Если... преобразовать Государственный совет в Верховную палату, очистив его от тех элементов, которые находятся там только по чину, то выборным органом, очистив его от элементов назначаемых, то конституционное устройство готово»²⁴.

²² Чичерин Б.Н. Воспоминания. Т. 4. Земство и Московская дума. М., 1931. С. 140–141.

²³ Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. С. 567, 569, 570, 574.

²⁴ Там же. С. 571, 574.

При этом Чичерин подчеркивал обратное влияние представительного учреждения на формирование основ гражданского общества, политическое воспитание народа. В утверждении идеи политической свободы, по его мнению, состояла задача XX столетия.

Таким образом, рассуждая о преобразовании российской государственности, Б.Н. Чичерин выступал сторонником продолжения преобразований, проводимых Александром II. Он высказывался за укрепление позиций институтов самоуправления, за включение представителей общественности в Государственный совет и наделение его правом законодательной инициативы. Преемственность политических преобразований, проводимых в 1860-е годы и необходимых в 1900-е годы, Чичерин связывал с достижением взаимопонимания между обществом и властью, с возможностью гармонического соединения идей свободы личности и сохранения существующего общественного порядка. Между тем идеологов либеральных реформ, готовых к конституционному обновлению политических институтов, оставаясь при этом на почве строгой законности, ратуя за сохранение преемственности правовых и политических форм, было немного.

Литература

1. Аронов Д.В., Бухвостова Д.В. Перспективы исследования либерального конституционного законодательства в России // История государства и права. 2008. № 20. С. 7–9.
2. Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012.
3. Гросул В.Я., Твардовская В.А., Шацкило К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.
4. Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996.
5. Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001.
6. Медушевский А.Н. Чичерин Б.Н. // Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия. М., 2005.
7. Новгородцев П.И. Б.Н. Чичерин // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000.
8. Розенталь И.С., Туманова А.С. Общество, общественность, гражданское общество: к вопросу о трансформации понятий в канун и в годы Первой русской революции // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 3–9.
9. Российские либералы / под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. М., 2001.

10. Струве П.Б. Б.Н. Чичерин и его место в истории русской образованности и общественности (Речь, произнесенная в заседании Русского научного института в Белграде) // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000.
11. Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. М., 2007. Т. 1.
12. Туманова А.С. П.И. Новгородцев как идеолог возрождения естественного права в России: к 150-летию со дня рождения ученого // История государства и права. 2016. № 18. С. 23–28.
13. Чичерин Б.Н. Воспоминания. Московский университет. Земство и Московская дума. М., 2010.
14. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000.
15. Igor Yevlampiev. Man and mind in the philosophy of Boris N. Chicherin // Studies in East European Thought (2009) 61. P. 113–125.

Теория права С.А. Муромцева: к вопросу о рождении социологической юриспруденции в России конца XIX – начала XX века*

*Туманова Анастасия Сергеевна,
профессор кафедры теории и истории права,
ведущий научный сотрудник Центра исследований
гражданского общества и некоммерческого сектора
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор
anastasiya13@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению философско-правовых воззрений видного дореволюционного российского юриста С.А. Муромцева на сущность права, значение и задачи юриспруденции. Взгляды Муромцева причисляются к социологическому направлению в юриспруденции.

Ключевые слова: история философии права, социологическая юриспруденция, С.А. Муромцев.

The Legal Theory of S.A. Muromtsev: Revisiting the Origin of Sociologic Jurisprudence in Russia in the Late XIX – Early XX Centuries

*Tumanova Anastasia S.,
Professor of the Department of Theory and History of Law,
Leading Research Scientist of the Research Center for
Civil Society and Non-Profit Sector of the National Research University "Higher School of Economics",
Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Professor*

The author explores the philosophical and legal views of prominent pre-revolutionary Russian lawyer S.A. Muromtsev. The Muromtsev's views are attributed as the sociological trend in jurisprudence.

Key words: history of philosophy of law, sociological jurisprudence, S.A. Muromtsev.

Видное место в истории российской философии права занимают воззрения Сергея Андреевича Муромцева (1850–1910) — влиятельного теоретика и философа права, специалиста в области римского и гражданского права, видного общественного и государственного деятеля. Вслед за немецким теоретиком и философом права Ру-

дольфом Иерингом Муромцев являлся создателем социологического подхода к праву, трактовавшего его с позиции социальных отношений и правовой политики.

Социологическое направление в юриспруденции сформировалось в Российской империи в 1880-е годы и стало особенно популярным на рубеже XIX–XX вв. К нему принадлежала целая плеяда блестящих русских правоведов, таких как С.А. Муромцев, Ю.С. Гамбаров, Н.А. Гредескул, М.М. Ко-

* Статья подготовлена в рамках проекта Фонда фундаментальных научных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

валевский, Н.М. Коркунов и др. Близкий к Муромцеву по воззрениям профессор Коркунов именовал Муромцева сторонником реалистической теории права, стремившимся связать воззрения Иеринга на право с учением позитивизма¹.

Социологическая юриспруденция в значительной мере опиралась на позитивистскую методологию и теорию познания. Вместе с тем ее представители истолковывали право не формально-догматически, как систему нормативных предписаний государственной власти, а стремились постичь его содержание. По меткому выражению Н.И. Кареева, для Муромцева было характерно «стремление примирить позитивизм с творческим социальным идеализмом, примирить историка с идеей естественного права, как он это высказал в своей работе «Образование права по учениям немецкой юриспруденции» (1886)». Кареев аттестовал Муромцева как первого российского ученого, указавшего на необходимость теоретического изучения права как социального явления, т.е. с социологической точки зрения, и опередившего свое время: «На Западе вопрос о таком изучении был поднят позднее, причем там нередко только повторялось то, что было уже высказано Муромцевым...»²

С.А. Муромцев внес существенный вклад в преодоление метафизических догм в праве. Он подверг критике гегелевскую философию права, а также теорию естественного права. Мыслитель был ориентирован на постановку правовых проблем в широкий социальный и исторический контекст. Опираясь на материалы исторических и социологических исследований, правовец пытался выявить законы развития общественной жизни, открыть повторяемость правовых явлений и выяснить их причинную связь между собой. Он исследовал норму права не изолированно, а в системе общественных отношений и на каждом отдельном этапе развития общества. Право в данной трактовке представляло социальной структурой, которая не пребывала в статическом состоянии, а постоянно эволюционировала.

Обосновывая идейные и методологические позиции социологического направления в юриспруденции, Муромцев трактовал

задачи правоведения с позиций строгого позитивного мировоззрения, однако видел сущность юридической науки не просто в отыскании системы норм, призванных руководить людьми, но в изучении законов, по которым развивалось право. Под правом Муромцевым понималась отдельная область социальных явлений, тесно связанная с социальной жизнью общества. «При отсутствии одного идеального правового состояния и при постоянной смене форм общественной и юридической жизни наука должна открыть законы, по которым происходит означенная смена... — считал ученый. — Наука должна определить отношения, в которых состоят правовые явления между собой, к явлениям других групп и к прочим условиям и факторам общественного развития». «Вместо совокупности юридических норм под правом разумеется совокупность юридических отношений (правовой порядок)», — резюмировал ученый³.

«Правоведение должно стать отделом социологии, — писал Муромцев в другой своей работе, — как вообще законы социологии, так и законы правоведения были законами сосуществования (статика) и преемственности (динамика)»⁴. Тем самым им признавался междисциплинарный статус юридической науки, ее связь с иными социальными науками.

Будучи специалистом в области гражданского права, С.А. Муромцев определял задачи этой отрасли юриспруденции следующим образом: «Первый шаг науки — чисто-объективный, наблюдательный. Она определяет, что есть. Политика, в смысле теории искусства, исполняет второй шаг. Она определяет, что должно быть, к чему следует стремиться... Мы должны различать: общее гражданское правоведение и гражданско-правовую политику. Общее гражданское правоведение есть наука в строгом смысле. Не преследуя никакой практической цели, но руководясь исключительно требованиями любознательности, оно изучает законы развития гражданского права. Оно предполагает, как подготовительную стадию, описательное гражданское правоведение, которое описывает в правильной системе факты гражданского права. Гражданско-правовая

¹ Коркунов Н.М. История философии права. 8-е изд. М., 2014. С. 418–419.

² Кареев Н.И. Основы русской социологии. М., 1996. С. 115.

³ Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 8, 10, 14, 48.

⁴ Муромцев С.А. Что такое догма права? М., 1885. С. 24–25.

политика определяет цели и приемы, которыми должны руководиться гражданский законодатель и судья»⁵.

Наряду с социологией «близким другом» юриспруденции, по мнению Муромцева, являлась история. Он высоко оценивал немецкую историческую школу права, ее идеи постепенного развития, закономерного движения истории права, заимствования права одним народом у другого, участия в процессе правообразования объективных и субъективных факторов: экономических отношений, жизни общества (народа), социальной психологии, мыслительной деятельности общества в целом и юридического сообщества в частности. Признавая достижения исторической школы права, Муромцев, вслед за Р. Иерингом критиковал ее за то, что она «упустила совершенно из виду деятельность общества, которой создается право»⁶.

Образование права, по мнению С.А. Муромцева, совершалось не самопроизвольно, а человеческой деятельностью. Причем в основе творческой работы, созидающей право, лежал психический труд. Само по себе развитие права давалось, по признанию ученого, тяжелой и неустанной борьбой: «...люди борются из-за отношений, которые нуждаются в правовой защите или же имеют такую; они борются также из-за норм, которые защищают отношения или только предназначаются для того»⁷.

Утверждая так, С.А. Муромцев пытался примирить позиции двух школ в современной ему юриспруденции — исторической школы и школы естественного права, обозначить общность их идей. От исторической школы Муромцев брал идею закономерности, от школы естественного права — идею творчества. Постигание закономерностей правового развития, а также творческий подход в ходе создания права являлись основой научной концепции Муромцева и его политическим кредо⁸.

Доказывая право на существование своего направления в условиях, когда россий-

ская правовая наука была далеко неоднородной, С.А. Муромцев и близкие к нему ученые — последователи социологической юриспруденции, указывали на ограниченность юридического позитивизма. «Догматическое изучение права весьма важно и необходимо, но лишь для одной цели — для практического применения права в жизни. Оно есть изучение подчиненное, вся догматика возникла и существует... как служанка правосудия. Правосудие есть дело великой важности, но все же не самое важное в области права; в жизни права есть задача еще более важная, чем применение права, а именно его создание, и перед этой задачей догматика оставляет нас совершенно бессильными, ибо вопрос о том, каково должно быть право, для нее не существует»⁹, — считал профессор гражданского права Харьковского университета Н.А. Гредескул. «И если конечное назначение науки состоит не столько в теоретической истине, сколько в практическом добре, если найденная упорным трудом истина лучше всего окупает себя применением к улучшению человеческой жизни, — продолжал Гредескул, — то... социологическое изучение права — и лишь оно одно — обещает нам богатые плоды: оно даст нам возможность разумно созидать право... И если при господстве догматики права идеалом юриста... является пушкинский дьяк, в приказе поседель, спокойно зрящий на правых и виновных, знаток текстов и тонкий диалектик, всегда готовый разрешить на основании существующего права самый запутанный юридический казус, — то при социологическом изучении права перед нами вырисовывается совершенно уже другой идеал юриста... Это юрист — третейский судья в борьбе общественных классов, юрист — творец права, юрист, консультирующий общество о том, каковым должно быть право, и выполняющий эту задачу, как беспристрастный ученый, с полной независимостью сверху и снизу»¹⁰.

Товарищ Муромцева по московской профессуре М.М. Ковалевский подвергал критике догматическую юриспруденцию за признание ею беспредельности государственного суверенитета и за недопущение существования у граждан других прав, кроме созданных государством. Это поро-

⁵ Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. С. 14.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции // Немецкая историческая школа права. Челябинск, 2010. С. 257.

⁸ Шершеневич Г.Ф. С.А. Муромцев как ученый // Сергей Андреевич Муромцев. Сборник статей. М., 1911. С. 89.

⁹ Гредескул Н.А. Современные вопросы права. Харьков, 1906. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 14–15.

дало, по словам ученого, представление о необязательности для государства конституции как продукта его добровольного самоограничения и о вторичности обеспеченных данной конституцией прав личности¹¹. Взгляд позитивистов на право, по словам М.М. Ковалевского, «служил оправданием произвола правительства по отношению к подданным»¹².

Слабой стороной доктрины естественного права родоначальники социологической школы считали преуменьшение ею роли государства, представление об ограниченном его верховенстве по отношению к правам личности, убеждение, что, поскольку государство было создано в интересах защиты прирожденных человеку прав свободы личности и собственности, оно не могло поднять на них руку, не было способно отменить эти права своим законом¹³. Метафизическим считали социологи права также представление школы естественного права о прирожденных человеку правах как о критерии для оценки действующего права¹⁴.

Уже упомянутый выше Н.М. Коркунов критиковал теорию естественного права за отдаваемый ею приоритет характеристике должного, но не сущего, реально существующего. «И пора, наконец, понять, — писал ученый, — что задача общественных наук не в том, чтобы быть судьей фактов, а в том, чтобы их объяснять... Надо брать факты как они есть. Надо отвлеченные понятия проверять их применимостью к реальным фактам. Не может иметь жизненного значения, не может руководить общественной жизнью теория, проглядевшая действительное направление современного государственного развития»¹⁵.

Отношение представителей социологической юриспруденции к школе естественного права наиболее обстоятельно выразил Ю.С. Гамбаров, профессор гражданского права Высшей школы общественных наук и ряда российских университетов, а также близкий друг М.М. Ковалевского. Гамбаров отдал дань идейному потенциалу естественно-правовой теории, ее вкладу в разви-

тие государственности европейских стран, в ликвидацию рудиментов средневекового строя и феодализма: уничтожение крепостничества, цехового устройства, пыток, уголовного преследования за религиозные преступления и др. Гамбаров признал, что все следовавшее за естественно-правовой теорией развитие политических идей и государственных отношений осуществляло на практике указанный ею великий принцип ограничения государственного всемогущества не только индивидуальными правами, но и господством закона¹⁶. Вместе с тем Гамбаров считал роль естественно-правовой теории в исторических условиях XIX в. — века буржуазно-демократических революций и разрушения «старого порядка» сыгранной. По его убеждению, школа естественного права потеряла в XIX столетии, и в особенности во второй его половине, тот кредит доверия, которым она пользовалась ранее. Причины упадка естественного права ученый усматривал, во-первых, в появлении в XIX в. позитивизма — научного движения, осуждающего априоризм и утверждающего культ положительного закона; во-вторых, в изменении в XIX в. роли государства, которое из учреждения, пекущегося только о защите права (правовое государство), превращается в учреждение, озабоченное общим благом (социальное государство) и способное к вторжению в индивидуальную сферу и ограничению свободы некоторых для обеспечения свободы всех. Ослабление позиций естественно-правовой теории связывалось Гамбаровым также с появлением в XIX столетии обширного конституционного законодательства, которое, в свою очередь, явилось основанием для создания учения о государстве на почве сравнительно-исторического его изучения — учения социологического позитивизма¹⁷.

Родоначальники российской социологической школы права предлагали, таким образом, теорию права, свободную, по их мнению, от крайностей индивидуализма и коллективизма, которые воплощали теории естественного права и юридического позитивизма.

Формируясь в пору либеральных реформ 1860–1870-х годов, Муромцев являлся вы-

¹¹ Ковалевский М. Учение о личных правах // Русская мысль. 1905. Кн. IV. С. 97.

¹² Там же. С. 98.

¹³ Там же.

¹⁴ Ковалевский М.М. Социология. Т. 1. СПб., 1910. С. 62.

¹⁵ Коркунов Н.М. Государство и свобода // Юридическая летопись. 1892. Т. 1. С. 5.

¹⁶ Гамбаров Ю.С. Свобода и ее гарантии. Популярные социально-юридические очерки // Антология мировой правовой мысли. Т. V. М., 1999. С. 311.

¹⁷ Гамбаров Ю.С. Свобода и ее гарантии... С. 305, 309–311.

разителем идей классического либерализма, который во главу угла ставил принципы решающей роли свободы индивида и стремления к ее достижению посредством политических реформ, нацеленных на построение правового государства. В воззрениях на свободу личности С.А. Муромцев был сторонником представления о свободе как о результате исторической эволюции общества. В этом отношении его взгляды были близки взглядам М.М. Ковалевского, рассматривавшего права человека как результат эволюции государства и общества в определенное время и в определенных условиях. Ковалевский указывал, к примеру, что вероисповедная свобода ранее всего была провозглашена в Северной Америке. Движение в пользу терпимости и свободы Церкви широко овладело сознанием граждан Французской республики. Между тем в современной ученому Российской империи до обеспечения свободы совести было, по его мнению, еще далеко. К числу поздно завоеванных вольностей Ковалевский относил свободы печати, собраний и союзов¹⁸.

Сергей Муромцев заявил о появлении в пореформенном русском обществе потребности в политической свободе, приобретшей значение правового идеала и поставившей перед властью практическую задачу ее обеспечения. В марте 1880 г. в записке «О внутреннем состоянии России», адресованной министру внутренних дел графу М.Т. Лорис-Меликову, ученый констатировал наличие в русском обществе остро осознаваемой потребности в политической свободе, которая, по словам ученого, «питалась и развивалась умственным движением прошлого и в особенности настоящего столетия», а в результате либеральных реформ Александра II стала практической задачей. «Идеи неприкосновенности прав личности, свободы мысли и слова, государственного устройства, обеспечивающего эти права, легли в основание идеала, — писал Муромцев, — ...стремление общества к участию в государственной жизни, его потребность общественной деятельности сделалась фактом упроченным, с которым должна считаться правительственная власть... Если правительственный механизм в его современном виде исключает... право на непосредственное участие в го-

сударственной жизни, самое желание войти в его состав, то механизм этот подлежит преобразованию»¹⁹.

Муромцеву принадлежит наблюдение, что потребность в гражданских свободах наиболее остро ощущалась образованным обществом в эпохи радикальных общественных преобразований²⁰. «Всему приходит свое время. Потребность в свободе собраний и союзов — потребность общечеловеческая, но степень необходимости ее на различных ступенях общественного положения различна. Кроме того, различны и препятствия, которые встречаются при удовлетворении сказанной потребности»²¹.

Представляет интерес суждение Муромцева о дихотомии права и справедливости как о стимуле к правовым реформам. Эта идея близка постулату основоположника теории «возрожденного» естественного права в России П.И. Новгородцева о противостоянии позитивного и естественного права. Право Муромцев трактовал как порядок действительный, а справедливость — как порядок желательный, воплощавший стремление к идеалу. По мере нарастания в обществе отрицательного отношения к действующему праву, по словам ученого, происходило становление положительных идеалов справедливости, которые, в свою очередь, являлись импульсом для правовой реформы²². Формированию положительного идеала справедливости была подчинена деятельность Муромцева на посту председателя Московского юридического общества с 1880 г., а также его государственная деятельность в качестве председателя Государственной думы первого созыва с апреля 1906 г.

Трактуя взаимоотношения личности и государства, С.А. Муромцев усматривал необходимость нахождения сдержек и противовесов государственного вмешательства в осуществление прав личности. Такими сдержками ученый признавал наделение граждан политическими правами. Муромцев считал, что «чем ближе поставлен каждый гражданин к политической деятель-

¹⁹ Муромцев С. Статьи и речи (1878–1910). М., 1910. Вып. 5. С. 21–22.

²⁰ Там же. С. 5, 21–22.

²¹ Муромцев С. Статьи и речи. Некрологи, приветствия, воспоминания (1878–1910). М., 1910. Вып. 3. С. 54.

²² Муромцев С.А. Право и справедливость // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1903. Т. 2. С. 10, 12.

¹⁸ Ковалевский М.М. Русская Конституция. 1. Свободы // Антология мировой правовой мысли. Т. V. М., 1999. С. 293–297.

ности, чем чаще выступает он активным исполнителем государственного порядка, а не слепым его орудием, тем более... он заинтересовывается им и влагает в него свою душу, тем более сторон человеческого существования охватывает государство, тем сильнее оно по качественным пределам своего господства и могущественнее по степени своего культурного влияния»²³.

Таким образом, С.А. Муромцев и его ученые-коллеги, представлявшие социологическую школу права, явились создателями передового для своего времени юридического учения, ориентированного на преодоление догматического подхода к правоведению и на изучение социальных интересов в праве, на борьбу за право во имя осуществления прав личности и создания правового государства. Нельзя не заметить, что С.А. Муромцев был борцом за право не только в теории, но и на практике, в представительном органе власти Российской империи, а также в качестве составителя одного из наиболее авторитетных конституционных проектов — «Проекта Основного и Избирательного законов», опубликованного в июле 1905 г. в газете «Русские ведомости». Составление данного проекта было продиктовано стремлением Муромцева «врубить в представления русского общества надлежащий образ российской конституции»²⁴.

²³ Муромцев С. Статьи и речи. М., 1910. Вып. 1. С. 64.

²⁴ Цит. по: Медушевский А.Н. Диалог со временем. Российские конституционалисты конца XIX — начала XX века. М., 2010. С. 57.

Литература

1. Аронов Д.В. Научная и общественно-политическая деятельность Сергея Андреевича Муромцева. Орел, 2001.
2. Аронов Д.В., Бухвостова Д.В. Перспективы исследования либерального конституционного законотворчества в России // История государства и права. 2008. № 20. С. 7–9.
3. Аронов Д.В. «Проект Конституции Российской империи с разделами: Государственное устройство, права граждан, народное просвещение» — из политико-правового наследия Александра Ивановича Гучкова // История государства и права. 2014. № 24. С. 49–54.
4. Кареев Н.И. Основы русской социологии. М., 1996.
5. Медушевский А.Н. Диалог со временем. Российские конституционалисты конца XIX — начала XX века. М., 2010.
6. Муромцев С. Статьи и речи. М., 1910.
7. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 8, 10, 14, 48.
8. Муромцев С.А. Что такое догма права? М., 1885.
9. Розенталь И.С., Туманова А.С. Общество, ответственность, гражданское общество: к вопросу о трансформации понятий в канун и в годы Первой русской революции // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 3–9.
10. Туманова А.С., Киселев Р.В. Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX — начала XX века. М., 2011.
11. Туманова А.С. П.И. Новгородцев как идеолог возрождения естественного права в России: к 150-летию со дня рождения ученого // История государства и права. 2016. № 18. С. 23–28.

Легитимность публичной власти в современной России: особенности понимания социокультурных оснований*

*Мамычев Алексей Юрьевич,
заведующий кафедрой теории
и истории российского и зарубежного права
Владивостокского государственного университета экономики и сервиса,
доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент
mamychhev@yandex.ru*

*Мордовцев Андрей Юрьевич,
профессор Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса,
доктор юридических наук
aam.07@mail.ru*

В статье представлены теоретико-методологические основы социокультурного осмысления природы легитимности власти. Авторы приводят аргументы в пользу важности перехода исследования государственной власти в целом, отдельных ее институтов, процессов легитимации и легализации, национальной правовой системы от классовых или либеральных принципов и эвристических схем к различным культурологическим методологемам, используя герменевтические методы изучения российской политико-правовой действительности. В этом контексте в статье представлены и проанализированы аспекты современного консервативно-правового дискурса.

В статье сделан акцент на применение принципа дополнительности в понимании специфики организации властных структур в российской политико-правовой сфере, когда, с одной стороны, имеющие место политические институты, структуры и механизмы во многом обуславливают социальную и культурную реальность, ее характер и вектор развития, а с другой — эффективность их функционирования и устойчивость властных структур, этих важнейших компонентов национальной государственности предопределяются множеством культурных, социоментальных факторов.

Ключевые слова: власть, государство, легитимность, народная монархия, политико-правовая организация общества, социокультурные факторы, национальный лидер, правовой менталитет, политический режим.

Legitimacy of Public Authority in Modern Russia: Understanding of Social and Cultural Bases

*Mamychev Aleksey Yu.,
Head of the Department of Theory
and History of Russian and Foreign Law
of the Vladivostok State University of Economics and Service,
Doctor of Political Sciences, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

*Mordovtsev Andrey Yu.,
Professor of the Vladivostok State University of Economics and Service,
Doctor of Law*

This article presents the theoretical and methodological foundations of social and cultural understanding of the nature of legitimacy. The authors argue for the importance of the transition study of state power as a whole, its individual institutions, legitimization and legalization processes, the national legal system from class or liberal principles and heuristic schemes for different culturological metodologemam using hermeneutic methods of studying of the Russian political and legal reality. In this context, the article presents and analyzes aspects of the modern conservative legal discourse.

The article focuses on the application of the principle of complementarity in the understanding of the specifics of organization of authorities in the Russian political and legal sphere, where, on the one hand,

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД-6669.2016.6.

having mesto political institutions, structures and mechanisms largely obuslovlivayut social and cultural reality, its nature and vector of development, and on the other — the efficiency of their operations and us-toychivost authorities, these critical komponentov nationhood predopredelyayutsya many cultural, sotsio-mentalnyh factors.

Key words: *authority, state, legitimacy, popular monarchy, political and legal organization of society, social and cultural factors, national leader, legal mentality, political regime.*

В свое время Г.В.Ф. Гегель в предисловии к «Философии права» писал: «...Я замечаю, что даже *платоновская республика*... по существу отражала не что иное, как природу греческой нравственности»¹. Это суждение в целом позволяет считать, что труды Ш.Л. Монтескье не прошли мимо общей стратегии развития западноевропейского государствоведения, но в той или иной мере нашли отражение в идеях наиболее известных представителей этой сферы гуманитарного познания.

Отстаиваемая Монтескье модель тесной сопряженности не только природных, но и моральных факторов, с одной стороны, и содержания институтов публичной власти — с другой, стала отправной точкой для развивавшегося после него типа понимания форм правления, форм государственного устройства, политических режимов и иных значимых конструкторов организации властных отношений в условиях национальной (шире — социокультурной) специфики, что, разумеется, получило свое наиболее полное выражение в трудах представителей исторической школы (К.Ф. Савиньи, Г. Гуго и др.). Их позиции, собственно, и предопределили консервативный политико-правовой дискурс, который, естественно, задал свой вектор, свою стратегию понимания социокультурных особенностей организации властных институтов.

В частности, в таком теоретико-методологическом (консервативном) контексте для постсоветского политико-правового дискурса проблема поиска оптимальной формы правления в России (как государстве переходного типа) имеет несколько аспектов своего решения.

Во-первых, обоснование оптимальности и все еще сохраняющейся органичности для отечественной государственности монархического правления (конечно, не на уровне публичного дискурса, т.е. декларируемых принципов и направлений развития государственной политики и властно-правовой организации, а воспроизводящейся

на уровне скрытого дискурса, в «стиле» политического мышления, практиках публичного и теневого взаимодействия, принятия значимых политических решений и т.п.); *во-вторых*, рассмотрение вопроса о преемственности многих имперских традиций и принципов организации и легитимации верховной власти, причем не только на архетипическом или правоментальном уровнях, но и в практической, институциональной плоскости. Например, в дореволюционном русском государствоведении четко выделялись два уровня государственной власти: *верховная власть* главы государства и *управительная власть*, организованная по функциональному принципу разделения властей и осуществляющая текущее публично-правовое управление различными процессами².

«Самое любопытное заключается в том, что сам российский народ... ни в какую демократию, по существу, не верит и решения главных своих проблем от нее не ждет. Согласно, например, опросам ВЦИОМа, только 7,7% россиян в 2004 году полагали, что объединить российское общество могут идеи демократии, свободы и прав человека. Вспомним, что вплоть до февраля 1917 года у власти в России находился христианский государь — случай для просвещенной Европы немыслимый. Более того, даже после трех революций начала XX века российская (советская) власть сохранила свою персонафицированную сакральную природу — институт партийно-государственных вождей. Советская империя (при всем своем официальном марксизме) может интерпретироваться как извращенное идеологическое наследие царской идеи...»³

Политико-правовой процесс в современной России свидетельствует о сохранении и усилении традиционных ценностно-нормативных систем, этноконфессиональных традиций, устойчивых духовно-нравственных стандартов и норм, которые в условиях трансформации публично-властной органи-

¹ [Гегель 1990: 53].

² [Любавиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. 2013].

³ [Казин А. 2007: 1].

зации всегда играют огромную, решающую роль.

На рубеже XX–XXI вв. российская политическая наука постепенно переходит к осмыслению социокультурной доминанты организации властных отношений, классовые, а также либерально-правовые методологии уже не отвечают потребностям современного государственно-правового строительства.

Однако исследование состояния и вектора развития отечественных властных практик, вызывает немало проблем и противоречий, тем более если рассматривать их с позиций сравнительно-правовых и сравнительно-государственных исследований, а также в контексте имеющих место на протяжении нескольких десятилетий процессов конвергенции государства и права⁴.

Отказ от весьма ограниченной по своему эвристическому потенциалу классовой или либеральной модели изучения государственной власти и ее основных форм и переход на широкие культурологические основы приводят к расширению спектра решаемых вопросов и к качественно новым, оригинальным по своему содержанию выводам (В.Н. Синюков, П.А. Сорокин и др.), по большому счету к становлению новых государствоведческих и юридических теоретико-методологических ориентиров и т.п. Кроме этого, их утверждение внесет немало пользы для российской правотворческой и правоприменительной практик (К.В. Арановский, П.П. Баранов, А.И. Овчинников и др.).

Обобщая новейшие достижения в этой сфере научных исследований, можно выделить два основных направления, разрабатывающих либо инновационные (неолиберальные) формы политической коммуникации, где государственной власти и публично-властному управлению отводится весьма малое место как институциональной структуре, обеспечивающей национально-культурное единство и этнополитическую стабильность; либо революционные (неомарксизм, неонархизм, космополитизм) формы социально-культурного единства, лишаящие ее какого-либо социального значения в будущем.

В настоящей статье сделан акцент на применение принципа дополнительности в понимании специфики организации властных структур в российской политико-право-

вой сфере, когда, с одной стороны, имеющие место политические институты, структуры и механизмы во многом обуславливают социальную и культурную реальность, ее характер и вектор развития, а с другой — эффективность их функционирования и устойчивость властных структур, этих важнейших компонентов национальной государственности, предопределяются множеством культурных, социоментальных факторов. Концепция легитимности государственной власти выстроена методами понимания и отчасти объяснения, что в целом соответствует эвристическим установкам постнеклассической (понимающей) науки⁵.

Именно в преемственности имперских начал организации институтов государственной власти, соответствующих им основ формирования публично-властного пространства в России, а значит, и в духовном единстве национальной политической и правовой истории, современные консерваторы и видят источник восстановления отечественной традиционной, а значит, и монархической государственности.

В российской государственности после 2000 г. легитимность власти Президента РФ начинает складываться (примерно, за ближайшие 2–3 года его правления) из *трех «легитимирующих» составляющих*: харизматической, традиционной и отчасти (в меньшей мере) рациональной. Историческая же практика убеждает в типичности такого пути, его привычности для отечественного социума, коллективного восприятия главы государства («Первого номера»).

Именно такой, комбинированный тип легитимации власти второго Президента РФ положительно отразился на многих политико-правовых, социально-экономических, идеологических, геополитических и даже демографических процессах. Именно после 2000 г. стало не только очевидно, что «как не построить дом без фундамента, так и не поднять страну без идеи этой страны, без идеи Новой России. Собственно, пока нет идеи — нет и страны. Самый острый для общества кризис — экономический, но самый глубокий, порождающий все остальные, — идейный»⁶.

Со всей очевидностью стало ясно и то, что «легальное не само по себе является источником легитимности, может выступать

⁴ [Mamychev A.Y., Mordovcev A.Y., Mordovceva T.V. 2015].

⁵ [Панарин А.С. 1994: 11–12].

⁶ [Чубайс И.Б. 1998: 6].

в таком качестве только в том случае, если существует «вера» в обязательность легального установления... Обычаи, традиции, законы, обеспечивающие существование институтов власти, управление делами общества, также нуждаются в легитимации независимо от формы их легального существования и закрепления»⁷. Хотя один из важнейших вопросов этой темы: «Существует ли возможность управления или рационального воспроизводства легитимности?» — так и не был разрешен.

В 2008 г. в постсоветской России начинается новая эпоха, связанная не столько с легитимацией власти Президента РФ — легального главы российского государства, сколько с возникновением легитимного института национального лидера, значимость которого уже не исчерпывается ни занимаемой должностью, ни имеющими место конституционными положениями. Этот институт возник объективно, в силу множества факторов, связанных с особенностями отечественного государственного строительства, экономической и политической жизни последних 15–16 лет.

Используя философско-методологическую схему А. Тойнби, можно сказать, что **институт национального лидера** в постсоветской России — это «*Ответ на Вызов*» времени, ответ отечественной социально-правовой и духовной (этноисторически-самодержавной) действительности, укорененной в глубинах национальной истории и вот уже более трехсот лет связанной с парадигмальными противоречиями своего институционально-правового и политического развития, тем процессам, которые идут в мире, глобализационным импульсам, в полной мере ощущаемым многими странами.

В методологическом и теоретическом плане необходимо серьезно осмыслить изменения конфигурации российского политического режима, формы правления, очевидно, произошедшие в стране с 2000 г., а именно важно рассмотреть особенности и значение основы национальной политической системы — **института главы государства** (президента) — для дальнейшего развития отечественной государственности и национальной правовой системы, так как появление института национального лидера, безусловно, вызвано изменением век-

тора эволюции государственно-правового (более точная категория с позиции рассматриваемой нами проблемы) режима в постсоветской России.

Стоит отметить, что в современной специализированной литературе имеют место быть несколько основных подходов к пониманию его сущности: институциональный, неоинституциональный и социокультурный. Каждый из этих способов трактовки политического (точнее — государственно-правового) режима ценен тем, что вскрывает тот или иной его аспект, поэтому эти три подхода позволяют вскрыть сущность институтов государственно-правового режима и его особую функциональную природу:

1) в рамках *институциональной* теории обосновывается органическая взаимосвязь государственно-правового режима с формой правления и даже формой государственного устройства (например, сторонники этого направления считают, что федерализм — это «либерализм по вертикали» и т.п.);

2) *неоинституционалисты* рассматривают государственно-правовой режим как способ упорядочения, легитимизации политической системы, институтов государственной власти (П.Дж. Димаджо, Дж. Марч, Д. Нортон, Дж. Олсон, Р. Тейлор, Дж. Уоллис, О. Фаворо, П. Халл, Ф. Эмар-Дюверне и др.). В рамках нового институционализма властно-политические институты трактуются достаточно широко, с одной стороны, в качестве формальных правил, нормативных моделей, процедур и норм; а с другой — в качестве символических систем, когнитивных сценариев, социокультурных и духовно-нравственных образцов, организующих и управляющих мыследеятельностью людей [Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б., 2011, Hall P.A., Taylor R., 1996; Tyler T.R., 1994];

3) представители *социологического* подхода при рассмотрении специфики государственно-правового режима основной акцент делают на балансе во взаимоотношениях социального и политического его начала, т.е. общественных отношений и конкретных политических практик, институтов, процессов.

Более того, практически все представители данного направления сходятся в том, что политические режимы не могут быть трансформированы путем изменения определяющих их существование правовых процедур, так как каждый из этих ре-

⁷ [Мирзоев С. 2006: 15].

жимов возникает и функционирует в соответствии с укорененной в том или ином обществе и государстве системой социальных оснований. Поэтому любые изменения в его содержании связаны не с формально-юридической стороной государственного режима, а с радикальными метаморфозами экономических и духовно-нравственных отношений, праводуховной (правоментальной) сферы и т.д. В этом плане усилия властных элит, стремящихся к переходу от одного типа государственно-правового режима к другому через создание нового нормативно-правового режима, совершенно бесплодны, если при этом не учтены иные факторы.

Установление диалектических связей между отмеченными подходами позволяет не только вскрыть *институциональные* и *неоинституциональные*, внешние и глубинные стороны государственно-правового режима, но и обнаружить несколько основных источников *легитимации института национального лидера*:

1) абсолютная легитимность второго Президента РФ (поддержка 76–78% населения, а после присоединения Крыма к Российской Федерации еще больше), которая возникает после относительного разрешения чеченского конфликта, удаления столь «ненавистных» для российского обывателя олигархов, и окончательно укрепляется после административной реформы 2000 г., когда глава государства укрепляет вертикаль власти, резко ограничивает сложившуюся в начале-середине 90-х годов систему «губернаторского местничества»;

2) не согласимся с мнением представителей социологического подхода в правоведении, считающих, что формально-юридические основы не влияют на трансформацию государственно-правового режима. Конечно, прямой зависимости здесь нет, но, например, закрепленные в главе 4 Конституции РФ огромные полномочия Президента РФ, очевидно, являются важной юридической предпосылкой (при наличии, конечно, прочих факторов) для возникновения института национального лидера, который просто не мог бы возникнуть при ограниченном круге властных функций главы государства. Он просто не смог бы себя проявить при решении важнейших вопросов, а его авторитет либо не возник бы вовсе, либо «замылчился» в общем потоке решений и действий различных властных органов;

3) институционалисты совершенно правы в том, что трансформация государственно-правового режима неизбежно ведет к постановке вопроса об адекватности и целесообразности той или иной формы правления в конкретном государстве. Не является исключением и постсоветская Россия, в которой все более и более развиваются монархические настроения, получающие не только идеологическое, но и серьезное научное подтверждение.

Современный либерально-демократический дискурс, ориентирующий не на внутренние, качественные характеристики политической жизни общества, а на ее формальную структурированность и господство абстрактной идеократической системы (индивидуализированных прав, свобод и проч.), формирует крайне нестабильную политическую среду. При этом глобальная демократическая универсализация основывается на потенциально конфликтных социально-политических фикциях, согласно которым только демократическая ценностно-нормативная система способна обеспечить общественное единство, политическую стабильность, сплоченность и международный порядок. Здесь поиск источников «социального зла» переносится с внутреннего мира человека на внешнюю политическую организацию (форму правления, государственное устройство, отдельные политические и правовые институты). Описываемый же в них политический процесс — это реальный или виртуальный кризис, система актуальных или латентных рисков.

В целом можно заключить, что в современной российской политической действительности проявляются три взаимосвязанные и взаимообуславливающие тенденции:

— *во-первых*, это стремление к духовно-нравственному обоснованию и легитимированию институтов государственной власти, социально-нравственной (идеократической) ответственности властно-управленческой элиты;

— *во-вторых*, требование интегрировать (точнее сказать — «переплавить», «адаптировать») западноевропейские достижения в области институционально-властной организации, некоторые демократические ценности с социокультурной моделью политической организации и традиционными (исторически сложившимися) практиками публично-властного взаимодействия в

системе личность — общество — государство;

— *в-третьих*, потребность (на уровне массового политического мышления) в восстановлении сильной государственности. Причем конкретно-историческое проявление государственной силы имеет морально-правовой способ обоснования, в котором вертикаль ценностно-нормативной иерархии выстраивается от духовных, абсолютных истин и доминант к социально-политическим.

В этом плане, с нашей точки зрения, необходимо продолжить разработку социокультурной стратегии политических исследований, которая выступает «право-преемником» цивилизационного подхода

в государствоведении и направлена на реконструкцию и интерпретацию публично-властных институтов в качестве устойчивых и преемственно воспроизводящихся политических феноменов в определенной социокультурной среде. В этом аспекте социокультурная основа исследования выступает как содержание, а политическая система и отношения (как социокультурные феномены) являются формой политико-правовой жизнедеятельности общества, т.е. первое — это сущностная, качественная характеристика публично-властной организации, а второе — внешнее, специфическое — конкретно-историческое (конвенциональное) репрезентация и оформление социокультурного содержания.

Правовое государство или государственное право? (соотношение государства и права)

*Дубровин Юрий Дмитриевич,
доцент Московского государственного университета
культуры и искусств (МГУКИ),
кандидат юридических наук
uridubr@yandex.ru*

В статье дается определение понятия и предмет индивидуального правового регулирования, анализируются особенности индивидуального регулирования отношений, возникающих из договора поручения.

Ключевые слова: понятие, предмет индивидуального правового регулирования, соотношение саморегулирования и индивидуального правового регулирования, признаки индивидуального правового регулирования, индивидуальное правовое регулирование в договорном праве, особенности индивидуального регулирования договора поручения.

The State of Law or State Law? (Correlation of State and Law)

*Dubrovin Yuri D.,
Assistant Professor of the Moscow State University of Culture and Arts,
Candidate of Legal Sciences*

The article examines the concept of the individual and the subject of legal regulation, the ratio of self-regulation and individual legal regulation, the legal regulation of individual signs, individual legal regulation in contract law, especially the individual contract of agency regulation, beyond individual legal regulation in contract law.

Key words: the concept of the individual and the subject of legal regulation, the ratio of self-regulation and individual legal regulation, the legal regulation of individual signs, individual legal regulation in contract law, especially the individual contract of agency regulation, beyond individual legal regulation in contract law.

В соответствии со Словарем русского языка С.И. Ожегова «соотношение» — это взаимная связь между чем-нибудь,

отношение, соотношение борющихся сил, соотношение понятий, взаимное отношение, связь между двумя или не-

сколькими предметами или явлениями¹.

Государство и право как явления реальной действительности находятся в постоянном соотношении. Государство не может существовать без права, а право не может существовать без государства. Соотношение права и государства выражается в их взаимодействии и взаимозависимости.

В современной правовой науке, в том числе российской, нет, наверное, более популярного, но в то же время малоизученного термина, чем «правовое государство», особенно когда речь идет о его построении. По отношению к данному феномену можно сказать то же самое, что в свое время Аврелий Августин сказал о времени: «Пока я не задумываюсь об этом, мне кажется, что нет ничего понятнее». Актуальность темы обусловлена постоянным обращением к ней со стороны ученых-правоведов. Упоминание о правовом государстве можно найти практически во всех учебниках по общей теории государства и права и конституционному праву России, выпущенных за последние десять лет, в главах книг, посвященных данному вопросу, в статьях правоведов самых различных взглядов и методологических ориентаций. Сегодня признается тот факт, что правовым может быть названо такое государство, чье функционирование основано на праве и основным направлением деятельности которого является соблюдение, обеспечение и защита прав и свобод человека.

Право, как и государство, принадлежит к числу не только наиболее важных, но и наиболее сложных общественных явлений. Как известно право и государство пришли на смену родообщинному строю, где не было частной собственности, антагонистической социальной структуры, профессиональной организации власти, иной, чем обычаи, системы регуляции жизни общества. И хотя государственно-правовое общество ближе к нам, чем древнее безгосударственное общество, и наши знания о нем более объемны, но споры о сущности государства и права, их соотношении не прекращаются и по сию пору. Одна из проблем, которая волнует ученых-юристов. — это проблема правового государства.

Что же думали о проблемах соотношения государства и права в древности?

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 21-е изд., перераб. и доп. 70000 слов / под ред. члена-корреспондента АН СССР Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1989. 921 с.

О взаимосвязи и единстве полиса и закона писал Платон: «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон — владыка над правителями, а они его рабы, я усматриваю спасение государства и его блага...»²

Аристотель в своей «Этике» поясняет, что политическая справедливость — это политическое право, т.е. право, созданное в государственно организованном обществе³. Но при этом добавляет, что такое право может иметь место только между людьми, принадлежащими к одному общению, естественно, свободными и равными.

Кроме того, Аристотель утверждает, что поскольку государство и право являются политическими формами, то в силу именно своей политичности они соответствуют принципу справедливости и идее права и, кроме того, имеют в виду общую пользу, то они носят правовой характер и могут рассматриваться как правильные или по-современному «правовые государства». Если те же формы имеют в виду только личное благо правителей, все они являются ошибочными или по-современному не правовые государства,

Таким образом, уже в то далекое по нашим меркам время греческие философы, имея определенный опыт существования государственно-правового общества, исследуя существо государства и права, пришли к выводу, что государство и право являются политическими формами власти и регулирования жизни общества. Более того, нащупывают тот идеал государственно-правового общества, которое мы называем правовым государством⁴. Идеал государственно-правового общества виделся им в существовании в нем принципов справедливости, свободы и равенства членов этого общества.

Современная идея правового государства как юридическая конструкция стала выкристаллизовываться в науке права в XVIII–XIX вв., в период, когда складывалось конституционное устройство европейских стран.

Руссо, например, предлагал уточнить принцип равенства принципом имуще-

² Законы, 715d

³ Этике (V, 10)

⁴ См.: Ziegfried W. Der Rechtsgedanke bei Aristotels. Zurich, 1947. S. 47, 68. Цит. по: Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Инфра-М, Норма, 1997.

ственного равенства. Также предлагалось ввести, например, принципы верховенство права, законность, разделение властей и др.

Но уже Кант, выступивший с философским обоснованием либеральной теории правового государства, считал, что благо государства состоит в высшей степени согласованности государственного устройства с правовыми принципами. Сущность государства выражается в обеспечении прав и свобод своим гражданам через идеалы конституционализма и парламентаризма. Важнейшим принципом публичного права философ считал право народа требовать своего участия в установлении правопорядка путем принятия Конституции, выражающей его волю. Государство (*civitas*), по его мнению, — это «объединение множества людей, подчиненных правовым законам». В правовом государстве гражданин должен обладать той же возможностью принуждения властвующих к точному исполнению закона, какой обладает властвующий в его отношении к гражданину.

Словосочетание «правовое государство» впервые встречается в работах немецких ученых К. Велькера (1813 г.) и И.Х. Фрайхера фон Аретина (1824 г.). Но первый юридический анализ данного термина и введение его в научный оборот сделаны их соотечественником Робертом фон Модем (1832 г.). Он рассматривал правовое государство как категорию непрерывно развивающегося учения о государстве и ставил его пятым по счету после патриархального, патримониального, теократического и деспотического государств. Можно сказать, что с этого времени идея о правовом государстве более чем на столетие заняла умы германских ученых и политиков. Однако в политико-юридической литературе категория «правовое государство» утверждается только в XIX в. В правовой науке считается, что термин «правовое государство» был введен немецким ученым XIX в. Карлом Велькером в своей книге «Конечные основания права, государства и наказания, развитые философско-исторические в соответствии с законами наиболее примечательных прав народа» (1813 г.). Сравнивая общество с организмом, Велькер выделяет такие периоды его жизни, как детство, юношеская пора, зрелый возраст, старость и смерть. Детству, патриархату сопутствует деспотический строй, юношеской поре — теократии (по типу египетских или шумерских), а зрелому возрасту — «гражданское право-

вое государство», старости и смерти — государство, уходящее и ушедшее в небытие. Таким образом, в общем контексте периодизации, избранной Велькером, деспотия, теократия, гражданское правовое государство предстают как сменяющие друг друга образы правления. Немецкий мыслитель впервые вводит в политико-юридическую науку мысль о правовом государстве как о государстве граждан. Он акцентирует внимание не на институтах государственной власти, но на собственно человеческом факторе существования современных государств.

Крупным теоретиком правового государства в Германии XIX в. был Р. Мольте, известный немецкий юрист и политический деятель. Свою концепцию Мольте изложил в книге «Наука полиции в соответствии с принципами правового государства». Р. Мольте исходит из того, что наступление Нового времени ознаменовалось появлением правового государства. В концепции Р. Мольте можно выделить три ключевых момента:

— правовая государственность возникает на самой высокой стадии исторической эволюции, и только этой стадии она сообразна;

— свобода каждого гражданина и всех граждан, вместе взятых, — главная забота правового государства, основа его существования;

— разумная организация системы государственных учреждений — это гарантия реальности такой свободы.

Известный отечественный юрист С.А. Котляревский в начале XX в. подчеркивал: «Идея правового государства вошла в обиход современных цивилизованных обществ», и «убеждение, что государство должно принять облик правового, остается непоколебимым»⁵.

При рассмотрении проблемы «правового государства» в юридической науке возникает вопрос, что выше — государство или право.

Также возникают вопросы, может ли право существовать без государства, а государство без права. Иными словами, может ли государство существовать без права, а право без государства. Если это так, тогда государство и право самостоятельные явления и могут существовать друг без друга. Например, А.А. Кененов рассматривает государство и право как два целостных, самостоятельных, в известной сте-

⁵ Котляревский С.А. Власть и право // Проблемы правового государства. М., 1915. С. 4.

пени самодостаточных образований⁶. Но тогда как можно говорить о правовом государстве или государственном праве? История показывает, что государство и право возникали одновременно как исторически обусловленные политические институты. Государственные структуры публичной политической власти постепенно замещали органы общественной власти, а нормы права замещали нормы обычного права, т.е. обычаев. И здесь надо подчеркнуть, что государство и право возникали и развивались не сами по себе, а в соответствии с экономическим, политическим и социальным развитием человеческого общества.

Более того, поскольку государство и право являются продуктом самого общества, то в связи с этим на них отражаются как позитивные явления, происходящие в обществе, например демократизация политического строя, так и негативные, например установление тоталитарного строя.

Тем не менее почему в обществе всегда возникал вопрос о противоречиях между государством и правом? Например, почему право ассоциировалось со справедливостью, а государство нет?

Отдельно хотелось бы рассмотреть влияние на государство и право убыстрения или торможения развития общества. Полагаем, что вопрос в данном случае не так прост. Убыстрение развития общества должно вроде бы позитивно отражаться и на развитии государственно-правовых институтов. Однако это не так. И это убедительно показали попытки создания в XX в. социалистических государств и права. Дело в том, что человеческое общество не может развиваться по чьей-либо команде. Оно развивается с необходимостью учета очень многих факторов, как в свое время отмечал уже Ш. Монтескье. То же самое можно сказать и о попытках замедления развития государственно-правовых институтов общества. Подобные попытки приводят к революционным ситуациям. Поэтому введение государственно-правовых институтов, новых для общества и декретированных свыше, не может создать новую государственно-правовую систему общества без учета готовности общества к этим переменам, т.е. наличия соответствующей эконо-

мической, политической и социальной зрелости общества.

Государство и право есть политический инструментарий общества, именно общества, а не класса, не социального слоя и даже не отдельного лица. Общество не стремится ни к прогрессу, ни к регрессу; оно живет своей сегодняшней жизнью. И в соответствии с данным образом жизни в обществе формируются его представления об экономических, политических и социальных образах этой жизни. Вместе с тем оно пытается сформировать свое мнение о будущих образах человеческого общества.

Например, в 1893 г. понятие правового государства появляется в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В статье о государстве говорится, что «государство, которое в своей деятельности соблюдает рамки, установленные правом, есть государство правовое или, точнее, правомерное. Существо правомерного государства заключается в самоограничении, в законности, в силу которой всякий акт государственной власти основывается на законе».

Следовательно, правовое государство — это государство, опирающееся на выстраиваемую им правовую систему, помогающую ему осуществлять властные полномочия. Государство непосредственно творит право, его нормотворческая деятельность есть источник права, которое в этой деятельности приобретает свои формы, а в самом государстве — гарантию своей реализации. Таким образом, право, произведенное государством, может считаться продуктом государства, т.е. государственным правом.

Что же касается термина «правовое государство», то он больше обозначает состояние политического режима, установленного в обществе представителями тех или иных социальных слоев, пришедших к власти в тот или иной исторический период данного общества.

Например, несмотря на демократические лозунги большевиков, Конституцию РСФСР 1918 г. с ее ограничениями представительства в органах власти демократической трудно назвать.

В то же время явно недемократический политический режим, установленный нацистами в Германии в 1933 г., формально не отменил демократическую Веймарскую конституцию 1918 г., хотя она большей частью фактически бездействовала. Лишь с пере-

⁶ Общая теория государства и права : академический курс : в 3 т. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. проф. М.Н. Марченко. Т. 3. М. : ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 34.

ходом власти к Контрольному совету 5 июня 1945 г. действие Веймарской конституции было отменено.

Также не был распущен рейхстаг. Более того, нацисты, используя свое большинство в нем, провели несколько антидемократических законопроектов. Таким образом, правовое государство может иметь место только тогда, когда в обществе установлен не формальный, а фактический демократический политический режим, естественно соответствующий духу и букве демократического Основного закона государства.

Что же касается спора о том, кто выше — государство или право, то это напоминает спор о курице и яйце.

Литература

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 21-е изд., перераб. и доп. 70000 слов / под ред. члена-корреспондента АН СССР Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1989. 921 с.
2. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Инфра-М, Норма, 1997.
3. Котляревский С.А. Власть и право // Проблемы правового государства. М., 1915. С. 4.
4. Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. / отв. ред. проф. М.Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 3. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 34.

References

1. Ziegfried W. Der Rechtsgedanke bei Aristotels. Zurich, 1947. S. 47, 68.

Базовые ценности консервативной политико-правовой программы Н.М. Карамзина

*Кузубова Ангелина Юрьевна,
доцент кафедры философии,
экономики и социально-гуманитарных дисциплин
Воронежского государственного педагогического университета,
кандидат юридических наук, доцент
angelinakuzubova@mail.ru*

В статье предпринята попытка проанализировать аксиологические правовые подходы создателя программных положений русского консерватизма Н.М. Карамзина. Одним из первых мыслителей выдвинул тезис о несовершенстве рационального способа познания. Политико-правовое учение Н.М. Карамзина основано на религиозном восприятии мира, рассмотрении прогресса как пути нравственного совершенствования человека, обосновании необходимости стратификации общества в силу неравенства его членов, легитимации самодержавия как формы правления, наиболее соответствующей историческим условиям становления и развития России. Философ подверг критике либерализм за его индивидуалистическую парадигму и внеисторическое понимание категорий «свобода» и «права человека».

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, правовые ценности, аксиология права, правовопонимание, консервативная идеология, цивилизация.

Core Values of the Conservative Political and Legal Program of N.M. Karamzin

*Kuzubova Angelina Yu.,
Assistant Professor of the Department of Philosophy,
Economy and Social and Human Disciplines
of the Voronezh State Pedagogical University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

This article attempts to analyze the axiological legal approaches of N.M. Karamzin, the creator of the Russian conservatism program provisions. One of the first talking points the thinker suggested was about the imperfection of a rational way of perception. The political and legal doctrine of N.M. Karamzin is based on the religious perception of the world, the consideration of progress as a way of moral perfection of a person, the explanation of the need for the society stratification due to inequality of its member, the legitimation of autocracy as a form of government which suits best for the historical conditions of Russia's formation and development. The philosopher criticized liberalism for its individualistic paradigm and ahistorical understanding of the categories of "freedom" and "human rights".

Key words: N.M. Karamzin, legal values, legal axiology, legal consciousness, conservative ideology, civilization.

*То был великий муж... Один он видел ясно,
Что силы родины теряются напрасно,
Что лучшие умы, как бедные цветы,
Со стебля сбитые грозой, кружат в пустыне —
Чужие у себя, чужие на чужбине...
И вдруг свою скрижаль воздвиг, как Моисей,
На поучение народов и царей...
Очнулся русский дух... Туман заколебался...
А.Н. Майков, «Карамзин»*

В 2016 г. исполняется 250 лет со дня рождения Николая Михайловича Карамзина (1766–1826) — идеолога русского консерватизма, выдающегося отечественного историка, писателя, философа, редактора журналов «Московский журнал» и «Вестник Европы», автора фундаментального труда «История государства Российского». Юбилейный год дает нам повод еще раз вспомнить и по-новому переосмыслить интеллектуальное наследие мыслителя, сумевшего изменить национальное самосознание не только своих современников, но и последующих поколений. Обращение Н.М. Карамзина к таким темам, как самобытность России, преемственность ее исторического развития, адаптация традиционных ценностей к изменяющимся реалиям, приобретает особую актуальность в наши дни, когда все сильнее звучат призывы о необходимости разработки общегосударственной идеологии, адекватной национальному менталитету.

Анализ содержания ряда произведений Н.М. Карамзина, в первую очередь «Истории государства Российского» и «Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», позволяет констатировать: в них впервые были сформулированы программные положения отечественного консерватизма. История русского права создавалась под влиянием истории Н.М. Карамзина. Особенно богаты ссылками и заимствованиями из «Истории государства Российского» труды по истории русского государственного права, гражданского права, уголовного права¹. Из произведений Н.М. Карамзина черпали информацию не только отечественные исследователи государства и права России, но и зарубежные ученые, для которых «История государства Российского» в переводе была практически единственным источником получения знаний о государственно-правовых структурах России.

¹ Шпилевский С. «История государства Российского» в отношении к истории русского права. [Электронный ресурс] // ЭПС «Система ГАРАНТ». Версия от 03.07.2016.

Взгляды Н.М. Карамзина прошли достаточно сложный путь становления и развития: от увлечения европейской философией, вступления в мasonicкую ложу и скептического отношения к восточно-христианской религии до возвращения в православие, разработки идеи особого пути России в союзе с самодержавием. Мыслитель одним из первых подверг сомнению возможности рационального способа познания. В силу того что многое из происходящего в мире разумно непостижимо, считал Н.М. Карамзин, человек в своем стремлении усовершенствовать общество всегда обязан помнить об ограниченности своего понимания происходящего и несовершенстве рациональных способов познания. Мыслитель полагал, что люди не в силах избавиться от всех социальных недугов, а если попытаются это сделать, то могут совершить еще большее зло, чем то, что они пытались исправить.

31 октября 1803 г. Указом Александра I Н.М. Карамзин был назначен на должность историографа, в 1805–1811 гг. вышли первые пять томов «Истории государства Российского». По личной просьбе сестры Александра I Елены Павловны историк подготовил «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», в которой были сформулированы основные идеи, ставшие программными для русского консерватизма. Основной мыслью произведения стала идея самодержавия как системообразующего, охранительного и защитного стержня России. В «Записке», как справедливо заметил В.Я. Гросул, «целые поколения русских консерваторов находили... свою опору и пищу для размышлений и последующего развития своих взглядов»². В указанных трудах Н.М. Карамзин уделил большое внимание проблеме поиска особого пути России. Философ выдвинул на передний план самодержавие как воплощение высокой идеи ор-

² Гросул В.Я. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В.Я. Гросул, Б.С. Штенберг, В.А. Твардовская, К.Ф. Шапило, Р.Г. Эймонтова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 43.

ганизации, безопасности и благоденствия подданных, функционально призванное учреждать порядок, согласовывая интересы людей. Мыслитель верил в созданный им образ «мудрой монархии».

Изучение ряда произведений философа позволило выявить аксиологические приоритеты его консервативной программы.

Во-первых, это религиозное восприятие мира и человека как исходная ценность консервативной идеологии Н.М. Карамзина. Человек рассматривался философом как результат деятельности Творца, греховный по своей природе и в силу этого нуждающийся в прочной организованной государственной власти. В данном контексте на первый план выводилась категория «внутренняя свобода», исходящая не от монарха или парламента, а существующая в каждом «с помощью Божию»³. Только народный дух составляет нравственное могущество государства, именно «дух и вера спасли Россию во время самозванцев»⁴.

Во-вторых, общественный прогресс понимался Н.М. Карамзиным не как постепенная эволюция форм человеческого существования с достижением в конечном итоге идеального общественного строя, а как нравственное совершенствование человека, предполагающее разумное дозирование институциональной свободы. Развитие в программе мыслителя предполагало неизбежность социально-экономической системы, опору на дворянство и духовенство, защиту крепостного права для сохранения государственных основ. Задолго до отечественного создателя цивилизационного учения К.Н. Леонтьева Н.М. Карамзин отмечал, что все государства, подобно организмам, имеют определенные временные рамки существования. А значит, «удачные» периоды в истории государственности, соответствующие расцвету, необходимо сохранять.

В-третьих, критика идеализации реформ. Единственным способом сохранения дисциплинирующих и организующих начал российской государственности Н.М. Карамзин считал обращение к историческим традициям, он подчеркивал, что далеко не всякие изменения

являются развитием, поэтому нельзя преувеличивать положительные свойства реформ. Анализ взглядов Н.М. Карамзина на государство позволяет констатировать, что их автор был сторонником консервативного варианта эволюции России. Историк подверг критике правительство Александра I «за любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основу империи и коих благотворительность остается доселе сомнительною»⁵. Н.М. Карамзин отмечал: монархия без народной идеи, нравственно ограничивающей самодержавную власть, вполне может трансформироваться в деспотическую диктатуру. А потеря монархией ее идеократической составляющей может привести к анархии. Поэтому все государственные нововведения должны быть исторически необходимыми и органичными, т.е. такими, которых «давно желают лучшие умы в государстве и которые, так сказать, предчувствуются народом»⁶. Признавая естественно-историческую легитимность самодержавия, Карамзин все же акцентировал внимание на необходимости для государя быть осторожнее в реформировании государственно-правовых структур, «думая более о людях, нежели о формах»⁷.

В-четвертых, идея социального неравенства и иерархического (сословного) строения общества. Социум воспринимался Н.М. Карамзиным как единый организм и упорядоченное целое, обладающее внутренней способностью к самовоспроизводству на основе традиций и поддержанию равновесия, которое может быть разрушено только насильственными средствами. Идея неустрашимости социального неравенства отчетливо сформулирована и в «Мыслях об истинной свободе», где Н.М. Карамзин отмечал: «Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить на верху, но будет всегда низ и верх и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание»⁸.

В-пятых, самодержавие как единственно легитимная власть, отражающая и выражающая своеобразие исторического развития России. Форма правления и жизнеустройство народа, указывал Н.М. Карамзин в своей «Записке», являются порождением народного духа и традиций. Самодержавие — высшая,

³ Карамзин Н.М. Мысли об истинной свободе // Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века / сост. Д.В. Ермашов, А.В. Пролубников, А.А. Ширинянц. М., А.В. Воробьев, 2001. С. 155.

⁴ Карамзин Н.М. О древней и новой России // История государства Российского. М. : Эксмо, 2003. С. 997.

⁵ Там же. С. 1009.

⁶ Там же. С. 1008.

⁷ Там же. С. 1015.

⁸ Карамзин Н.М. Мысли об истинной свободе. С. 155.

незыблемая и определяющая сила исторического процесса России. Н.М. Карамзина совершенно справедливо называют одним из первых авторов легитимной модели российской государственности. Он создал идеологический базис правомочности отечественного самодержавия, подчеркивая не столько его правовые основы, а в большей степени единение самодержавия и народа, коренящееся в естественно-исторических условиях формирования российской государственности: В России государь есть живой закон... В монархе российский соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное»⁹.

Идеалом государственного устройства в политико-правовом учении Н.М. Карамзина была самодержавная монархия, которой мыслитель противопоставлял республику. Об этом писал В.О. Ключевский: «Это убеждение, вынесенное из наблюдения над пространством, составом населения, степенью его развития, международным положением России, Карамзин превратил в закон основной исторической жизни России по методу опрокинутого исторического силлогизма: самодержавие — коренное начало русского государственного современного порядка; следовательно, его развитие — основной факт русской исторической жизни»¹⁰.

В-шестых, православие как ценностное ядро российской государственности. Н.М. Карамзин подвергал критике проведенное Петром I подчинение духовной власти светской. Русский философ подчеркивал, что вера — это особенная государственная сила и россияне возвышали себя именем Христа и любили Отечество именно как православную страну, а русское общественное сознание отличается этикоцентризмом, характеризующимся подчинением права религиозным ценностям.

Седьмое: акцент на необходимости сохранения национального своеобразия на фоне ускоряющихся тенденций глобализации, космополитизма, приоритета европейских ценностей над отечественными. Н.М. Карамзин подчеркивал потребность в патриотическом воспитании россиян, стремительно удаляющихся от своих обычаев, традиций, языка и веры. Несомненным достоинством учения мыслителя является то, что он актуализиро-

вал проблему сохранения национальных ценностей для поколений, которые вели себя как «пришельцы» на своей земле, идеализируя человечество «во образе француза... парламент с лордами или республик ряд»¹¹, возводя на пьедестал категории всемирной свободы и равенства.

Философ признавал важную роль уклада жизни народа и исторических традиций в процессах социальных обновлений при одновременной критике механического переноса на отечественную почву политико-правовых институтов западной цивилизации. Значительным вкладом Н.М. Карамзина в русскую политико-правовую мысль является его обращение к проблеме прошлого государств и народов и постановка вопроса о необходимости воспитания исторической памяти и ответственности. Он акцентировал внимание на методологическом несовершенстве учений теоретиков Просвещения, которые были убеждены, что будущее народов связано с историческим законом приумножения разумности. Напротив, Н.М. Карамзин считал, что разум человека не содержит безусловного критерия для формирования суждений о нравственно должном, следовательно, формальный закон (внешняя правда) изначально носит релятивистский характер. Соответственно, право воспринималось в качестве ценности бытия только при условии его «исхода» из нравственной заповеди, даруемой Богом, а не из рациональных субъективных представлений о природе дозволенного.

Современные исследователи русского консерватизма отмечают, что Н.М. Карамзин «сумел первым в философско-исторической мысли России поставить вопрос о «смысле» русской истории, о прошлом и будущем русского народа, об отношении между русским и западноевропейским историческим процессом. Эти вопросы станут центральными в споре западников и славянофилов, либералов и «почвенников»... Это значит, что по существу проблем, поставленных Н.М. Карамзиным, никогда не может быть сказано последнее слово»¹². Мыслитель критиковал либерализм за крайний индивиду-

⁹ Карамзин Н.М. О древней и новой России. С. 1012.

¹⁰ Ключевский В.О. Н.М. Карамзин (I–III) // Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. Т. 7. М. : Мысль, 1989. С. 277.

¹¹ Майков А.Н. Карамзин // Майков А.Н. Полное собрание сочинений : в 4 т. Т. 2. С.-Петербург : Товарищество А.Ф. Маркс, 1914. С. 213–214.

¹² Есюков А.И., Честнейшин Н.В., Честнейшина Д.А. Социальная философия русского консерватизма : учеб. пособие. Архангельск : Поморский ун-т, 2009. С. 78.

лизм и внеисторическое понимание свободы и прав человека. Не утратили актуальности и призывы философа обуславливать вводимые государственно-правовые институты существующими национальными ценностями и традициями, обращая внимание на цивилизационные различия. Предложенная Н.М. Карамзиным концепция национально-самодержавия послужила своеобразным базисом для развития подобных идей следующими поколениями идеологов русского консерватизма.

Литература

1. Гросул В.Я. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В.Я. Гросул, Б.С. Штенберг, В.А. Твардовская, К.Ф. Шацко, Р.Г. Эймонтова. М.: Прогресс, 2000. 440 с.
2. Есюков А.И., Честнейшин Н.В., Честнейшина Д.А. Социальная философия русского консерватизма: учеб. пособие. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. 276 с.
3. Карамзин Н.М. Мысли об истинной свободе // Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века / сост. Д.В. Ермашов, А.В. Пролубников, А.А. Ширинянц. М., А.В. Воробьев, 2001.
4. Карамзин Н.М. О древней и новой России // История государства российского. М.: Эксмо, 2003. 1024 с.
5. Ключевский В.О. Н.М. Карамзин (I–III) // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 7. М.: Мысль, 1989. 511 с.
6. Майков А.Н. Карамзин // Майков А.Н. Полное собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. С.-Петербург: Товарищество А.Ф. Маркс, 1914. 221 с.
7. Шпилевский С. «История государства Российского» в отношении к истории русского права [Электронный ресурс] // ЭПС «Система ГАРАНТ». Версия от 03.07.2016.

Правовые аспекты создания Содружества Независимых Государств

*Гаджиев Габиб Бахруз оглы,
преподаватель Бакинского государственного университета
h.hajiyev@hotmail.com*

В результате подписания в декабре 1991 г. Беловежских соглашений Советский Союз прекратил свое существование, что привело к глобальным изменениям не только на постсоветском пространстве, но и в мире. В Российской Федерации, ставшей юридически правопреемницей СССР, как и в других бывших союзных республиках, ставших в 1991 г. независимыми государствами, произошла смена политического режима, изменилась традиционная юридическая и экономическая система. С распадом СССР серьезно изменилась система международных отношений — окончание холодной войны, когда мир перестал быть биполярным.

Ключевые слова: СССР, распад, СНГ, договор, субъект международного права.

Legal Aspects of Creation of the Commonwealth of Independent States

*Gadzhiev Gabib B. oglu,
Lecturer of the Baku State University*

As a result of the signature of the Belovezhskaya agreement in December 1991, the Soviet Union ceased to exist, thus have led to global changes not only in the post-Soviet space but in entire world. In the Russian Federation, which has become legal successor of the USSR, as in other former Soviet republics, which became independent states in 1991, political regime, traditional legal and economic systems were deeply changed. The collapse of the Soviet Union seriously influenced the system of international relations — it was the end of the “cold war”, and the world was no longer bipolar.

Key words: dissolution of the USSR, the CIS, international agreement, subject of international law.

В 1991 г. процесс распада СССР превратился в необратимый процесс. М.С. Горбачев, старавшийся сохранить единое государство и свою власть, выступил с инициативой подписания нового Союзного договора. В решении, принятом Верховным Советом

СССР в июле 1991 г. «О проекте договора о Союзе Суверенных Государств», указано: «Быть сторонником на основании проекта договора о Союзе Суверенных Государств, представленного 18 июля 1991 года, Президента СССР от имени Подготовительного

комитета, созданного IV Съездом народных депутатов СССР. Считать возможным подписание после согласования между республиками с участием уполномоченного представителя Совета» (1). Новый Союзный договор было предусмотрено подписать 20 августа, однако неудачное восстание консервативных сил, произошедшее в Москве 19 августа, помешало подписанию этого документа.

После августовского путча вопрос о сохранении СССР превратился в основной объект обсуждения. Союзные республики одна за другой провозглашали свой суверенитет, стали предпринимать серьезные шаги в направлении достижения национальной независимости. В сентябре три республики Прибалтики (Латвия, Литва и Эстония), выйдя из СССР, провозгласили о своей независимости.

М.С. Горбачев, старавшийся предотвратить раскол СССР, осенью 1991 г. предложил создать конфедерацию суверенных государств и даже подготовил новый проект договора (2). Договор о создании предусмотренной конфедерации должен был быть подписан 9 декабря, однако отказ от подписания этого договора Украиной, обладающей особым весом среди республик СССР, привел процесс в безвыходное положение.

24 августа 1991 г. Верховный Совет Украины принял акт об объявлении независимости Украины и 1 декабря вынес этот вопрос на общенародный референдум. 90,32% населения Украины, участвующих в референдуме, проголосовали за независимость страны, и независимость этой республики была признана Российской Федерацией. Б.Н. Ельцин, встретившийся 5 декабря с М.С. Горбачевым, заявил об утрате новым союзным договором своего значения без Украины (3).

7–8 декабря 1991 г. в дачном доме Вискули, расположенном на месте, именуемом «Беловежская Пуща», около города Минска, столицы Белоруссии, между Президентом России Б. Ельциным, Президентом Украины Л. Кравчуком и Президентом Белоруссии С. Шушкевичем была проведена встреча за закрытыми дверями, и в результате этой встречи президенты выступили с совместным заявлением.

Главы государств Белоруссии, РСФСР, Украины, заявив, что переговоры о подготовке нового союзного договора зашли в тупик, факт выхода республик из состава СССР с объявлением независимости пре-

вратился в реальность, политика центра привела к глубокому экономическому и политическому кризису, в некоторых районах увеличилась напряженность, и международные отношения обострились, проинформировали мировую общественность о подписании 8 декабря 1991 г. соглашения о создании Содружества Независимых Государств. Это соглашение означало прекращение существования СССР как субъекта международного права. В преамбуле соглашения о создании СНГ указано: «Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина как учредители Союза ССР, подписавшие Союзный договор 1922 года, далее именуемые Высокими Договаривающимися Сторонами, констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность, прекращает свое существование». В первой статье Соглашения договаривающиеся стороны констатируют образование Содружества Независимых Государств. В последующих статьях было указано, что договаривающиеся стороны гарантируют своим гражданам, независимо от их национальности или иных различий равные права и свободы, с момента подписания настоящего соглашения на территориях подписавших его государств не допускается применение норм третьих государств, в том числе бывшего Союза ССР, гарантируют выполнение международных обязательств, вытекающих для них из договоров и соглашений бывшего Союза ССР, что настоящее соглашение открыто для присоединения всех государств, членом бывшего Союза ССР, а также для иных государств, разделяющих цели и принципы настоящего Соглашения и др. статьи. Город Минск был избран местом оказания деятельности координирующих органов Содружества (4).

Под Соглашением поставили подписи: за Российскую Федерацию — Президент Борис Ельцин и государственный секретарь Геннадий Бурбулис, за Республику Беларусь — Председатель Верховного Совета Станислав Шушкевич и Председатель Совета Министров Вячеслав Кебич, за Украину — Президент Леонид Кравчук и премьер-министр Витольд Фокин.

Решение руководителями трех славянских республик вопроса, связанного с судьбой СССР, было встречено неоднозначно другими союзными республиками. В ответ на возражение Президента Ка-

захстана Н. Назарбаева Б. Ельцин пообещал принять его в состав учредителей СНГ. Участник процесса А. Собчак предложил предоставить статус учредителя любым желающим странам (5).

12–13 декабря 1991 г. руководители государств Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Киргизстана и Таджикистана, собравшись в Ашхабаде, сообщили о своем желании присоединиться к СНГ. В это время они выдвинули требование о присоединении к СНГ как равноправных соучредителей, потребовали учитывать историческую и социально-экономическую реальность республик Средней Азии и Казахстана. Выдвигая идею неприкосновенности существующих границ, надеялись на предотвращение возможного требования Россией северных областей Казахстана и привлечения на свою сторону Азербайджана, столкнувшегося с проблемой Нагорного Карабаха. Согласно республик Средней Азии и Казахстана к присоединению к СНГ полностью перечеркнуло попытку спасти каким-либо путем СССР.

21 декабря 1991 г. в Алма-Ате собрались президенты 11 республик бывшего СССР, исключая прибалтийские республики и Грузию, столкнувшуюся с гражданской войной, и на этой встрече наравне с Б. Ельциным, Л. Кравчуком и С. Шушкевичем, Президент Азербайджана А. Муталибов Президент Казахстана Н. Назарбаев, Президент Узбекистана И. Керимов, Президент Армении Л. Тер-Петросян, Президент Таджикистана Р. Набиев, Президент Киргизстана А. Акаев, Президент Молдовы М. Снегур и Президент Туркменистана С. Ниязов подписали Алма-Атинскую декларацию о прекращении существования Союза Советских Социалистических Республик и образовании Содружества Независимых Государств. Грузия вступила в СНГ в декабре 1993 г.

В Алма-Атинской декларации нашли свое отражение принципы признания и уважения суверенитета государств, являющихся членами СНГ, невмешательства во внутренние дела друг друга, признания территориальной целостности, неприкосновенности существующих границ и другие принципы. Помимо этого, взаимодействие участников Содружества будет осуществляться на принципе равноправия через координирующие институты, формируемые на паритетной основе и действующие в порядке, определяемом соглашениями между участниками Содружества, которое не является ни государством, ни надгосударственным образованием (5). Итак, Алма-Атинская встреча, можно сказать, завершила процесс формирования новой международной организации — Содружества Независимых Государств. Несмотря на присоединение к СНГ Грузии в 1993 г., она после российско-грузинской войны 2008 г. в 2009 г. покинула ряды СНГ.

В 1992–1993 гг. возникли правовые основы отношений стран, являющихся членами СНГ, в рамках этой организации. С принятием 22 января 1993 г. Устава этой организации были определены ее функциональные и организационные основания.

Литература

1. Договор о Союзе Суверенных Государств // Правда. 1991. 15 августа.
2. Проект договора о Союзе Суверенных Государств // Правда. 1991. 27 ноября.
3. Медведев Р. Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи. М., 2010.
4. Соглашение от 8 декабря 1991 года о создании Содружества Независимых Государств. URL: <http://www.referent.ru/1/43609>
5. Соколов М., Ельцин, Кравчук и Шушкевич хорошо поохотились // Коммерсант. 1991. 16 декабря.
6. Алма-Атинская декларация. URL: <http://www.referent.ru/1/43609>